

1 МАЯ

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 18 АПРЕЛЬ 1977

Да здравствует марксизм — ленинизм — вечно живое революционное интернациональное учение, знамя борьбы трудящихся всех стран против империализма, за победу социализма и коммунизма!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1977 года

22 апреля на торжественное заседание, посвященное 107-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, в Кремлевском Дворце съездов собрались передовики производства столицы и Подмосквья, ветераны партии, деятели науки и культуры, представители партийных, советских и общественных организаций. Присутствуют иностранные дипломаты, зарубежные гости, советские и иностранные журналисты.

17 часов. Бурными, продолжительными аплодисментами участники заседания встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, К. Ф. Катушева, М. В. Зимянина, К. У. Черненко, Я. П. Рябова.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

С докладом «Ленинизм — революционное знамя нашей эпохи» выступил секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля

№ 18 (2599)

1923 года

30 АПРЕЛЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонёк». 1977

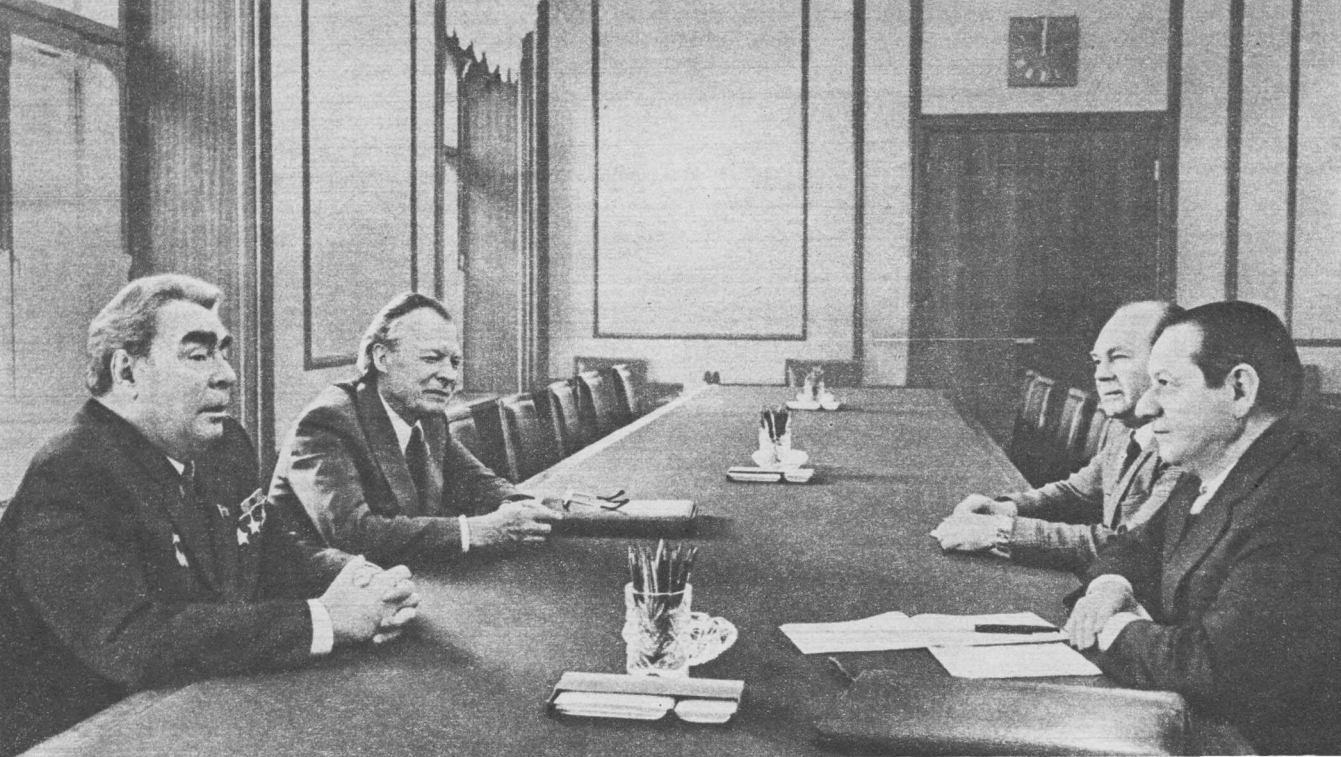
ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУ

В президиуме торжественного заседания, посвященного 107-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева

ТИ К КОММУНИЗМУ

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

В СЕРДЕЧНОЙ ОБСТАНОВКЕ

21 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев принял в Кремле члена Политбюро, секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии товарища Э. Бабюха, прибывшего в Москву по приглашению ЦК КПСС для ознакомления с опытом работы КПСС в области партийного строительства.

В беседе, прошедшей в обстановке сердечности и взаимопонимания, принял участие член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС товарищ К. В. Русаков.

Проводы на аэродроме.

Фото А. Гостева.

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад, находившийся в СССР с официальным дружественным визитом во главе партийно-правительственной делегации САР, 20 апреля отбыл из Москвы в поездку по стране.

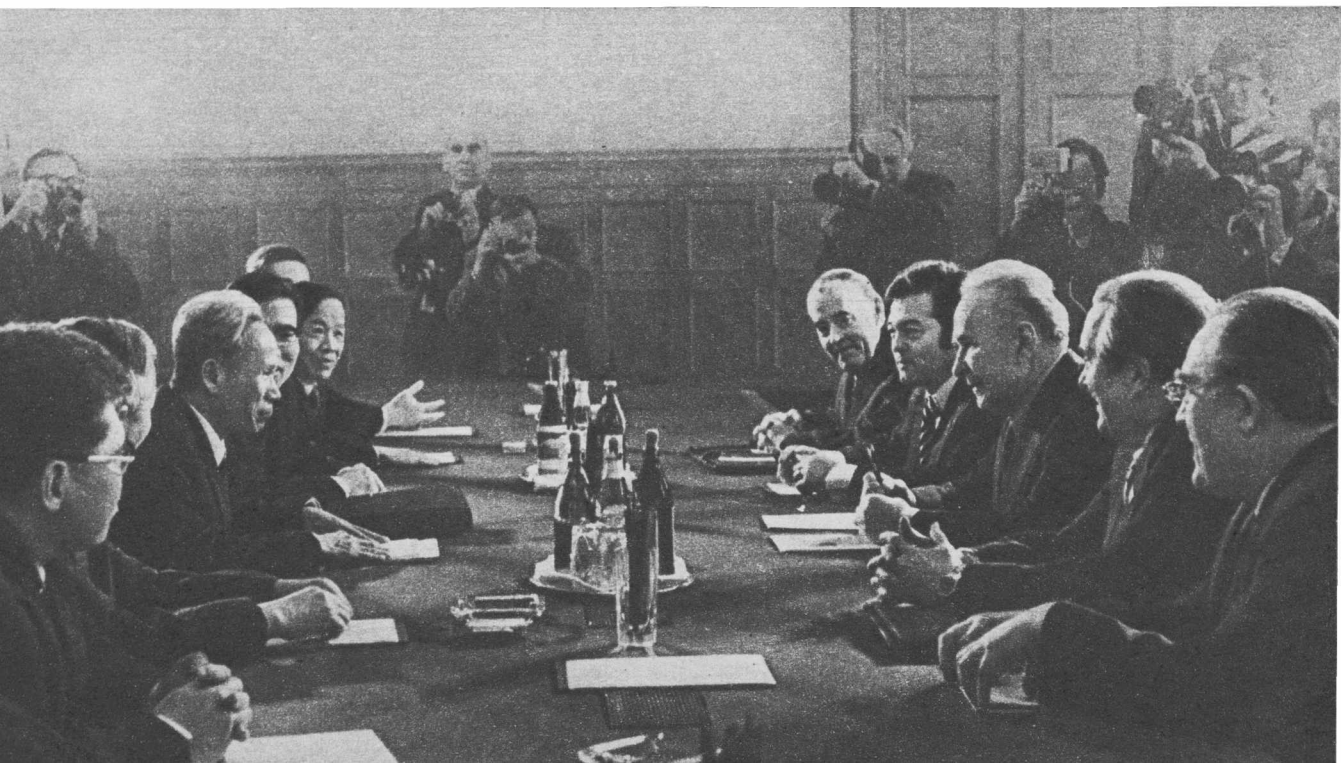
На Внуковском аэродроме Хафеза Асада провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Хафез Асад и члены делегации САР посетили Киев и Тбилиси.

22 апреля Хафез Асад отбыл из Тбилиси в Дамаск.

Во время встречи.

Фото А. Гостева.

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

21 апреля в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с членом Политбюро ЦК КПВ, Премьер-Министром правительства СРВ Фам Ван Донгом. В ходе беседы, проходившей в сердечной, товарищеской обстановке, были обсуждены вопросы, представляющие интерес для обеих сторон.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА— БОРЦУ ЗА МИР

Славному сыну чилийского народа, неустанному борцу против империализма и фашизма, за мир, демократию и социальный прогресс Генеральному секретарю Коммунистической партии Чили Луису Корвалану присуждена международная Ленинская премия. Этой высокой награды он удостоен за выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира.

20 апреля в Москве, в Свердловском зале Кремля состоялось торжественное собрание представителей советской общественности, посвященное вручению высокой награды Луису Корвалану.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, член ЦК Социалистической партии Чили Х. Суарес, Генеральный секретарь ЦК Бразильской компартии Л. К. Престес, Генеральный секретарь ЦК Компартии Колумбии Х. Виейра, Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Р. Арисменди, секретарь ЦК Компартии Аргентины Р. Искарро, советские деятели науки и культуры.

От имени Комитета по международным Ленинским премиям лауреата сердечно поздравил председатель комитета академик АМН СССР Н. Н. Блохин.

Под аплодисменты присутствующих Н. Н. Блохин вручил Луису Корвалану диплом и золотую медаль лауреата международной Ленинской премии.

Тепло встреченный собравшимися, с ответной речью выступил Луис Корвалан.

Вручаемая мне сегодня премия, заявил Л. Корвалан, носит высокое имя Владимира Ильича Ленина,

который во главе большевистской партии привел к победе величайшую в истории революцию — Октябрьскую социалистическую революцию, 60-летие которой готовятся отметить трудящиеся всей земли. Я надеюсь быть достойным той награды, которую с честью носили до последних минут своей жизни Пабло Неруда и Сальвадор Альенде.

Во время вручения награды.

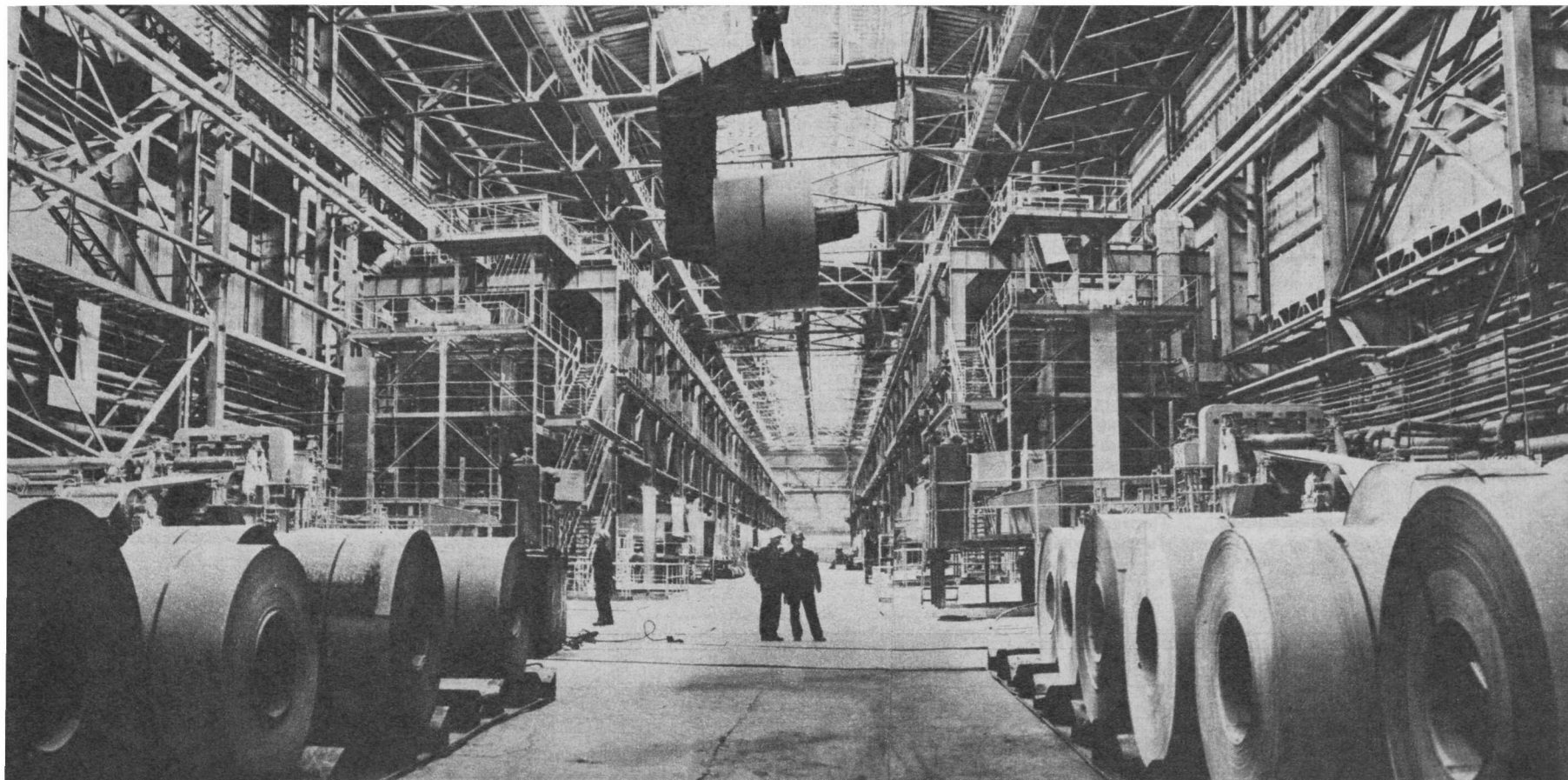
Фото А. Гостева.

В ХОРОШЕМ ТЕМПЕ !

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана промышленностью в I квартале 1977 года, которое свидетельствует: индустрия страны начала юбилейный год, второй год пятилетки, в хорошем темпе. Объем промышленной продукции по сравнению с тем же периодом прошлого года увеличился на 5,6 процента. На четыре процента возросла производительность труда. План по реализации продукции выполнен всеми союзными республиками. Улучшились технико-экономические показатели работы объединений и предприятий. За год и три месяца пятилетки выпущено промышленной продукции на сумму 670 миллиардов рублей — значительно больше, чем за десять первых послевоенных лет, вместе взятых. Таковы «размаха шаги саженья». А впереди — новые рубежи коммунистического строительства.

Свердловск. На Верх-Исетском металлургическом заводе.

Фото Э. Котлякова (ТАСС)

ЗА ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ

Постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение заданий десятой пятилетки» для награждения передовых рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих, добившихся высоких производственных показателей в социалистическом соревновании, учреждены единые общесоюзные знаки «Победитель социалистического соревнования» и «Ударник десятой пятилетки».

8 апреля 1977 года президиум ВЦСПС утвердил образцы знаков и положения о них.

Знаки вручаются на собраниях трудящихся вместе с удостоверениями установленного образца, а ударники десятой пятилетки получают также памятный подарок. В трудовую книжку награжденного вносится соответствующая запись.

ВСТРЕЧА ПЕРВОМАЙ

Перед центральным въездом в токийский парк Синдзюку — парад автомобилей. Здесь по традиции ежегодно устраивается прием для дипломатического корпуса. На лужайках в парадной форме дипломаты, некоторые члены парламента в традиционных черных фраках.

Под раскинувшимися ветвями сакуры в шеренгу выстроились члены кабинета министров. Здесь длинная очередь гостей. Раз в год вы можете лично обменяться рукопожатием с премьер-министром. Но на этот раз щепетильные к точности дипломаты были вынуждены опоздать: город забит автомобильными пробками. Замерли поезда электричек, не вышли на работу металлурги, химики.

Нынешний Первомай японские трудящиеся встретили активной бескомпромиссной борьбой за свои жизненные права, прибегнув к своему испытанному оружию — стачкам.

Две белые буквы «су то» на красных полотнищах, означающие «забастовка», сегодня можно видеть на стенах многих зданий Токио.

Газеты анализируют создавшееся положение, по радио и телевидению каждые полчаса сообщается о ходе переговоров руководства профсоюзов с предпринимателями: от их результатов зависит, пойдут ли завтра поезда. Борьба идет за каждую десятую долю процента повышения заработной платы — она не должна быть ниже роста розничных цен в стране.

В самый разгар весеннего наступления японских трудящихся мы встретились с одним из старейших руководителей профсоюзного движения — председателем объединенного профсоюза работников химической промышленности, лауреатом международной Ленинской премии Каору Ота. Более тридцати лет он в рядах профсоюзного движения. «После войны,— рассказывает г-н Ота,— работая инженером на одном из заводов, я был, видимо, слишком активным деятелем профсоюза, и за это администрация уволила меня с предприятия. Когда на мою защиту встали 400 рабочих и в течение двух месяцев добились моего восстановления, я почувствовал силу рабочего класса и решил посвятить свою жизнь борьбе за интересы японских трудящихся». Сейчас профсоюз химиков, насчитывающий 130 тысяч членов, является в Японии одним из сильнейших отраслевых профсоюзов.

СВЯТОЙ БОРЬБЫ ВЕЛИКИЙ

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, О ПАРТИЯ МОЯ

Цезарь
ПРИНСИПИ

Люблю тебя, о партия моя,
и пусть враги пытаются обогать тебя,
и мечтают тебя уничтожить,
посягая к тебе ненависть,
но с революцией возрастает любовь и вера в тебя.
Поджоги наших зданий, пробитое пулей знамя,
вечная слежка и преследования —
вот история нашей борьбы.
И мы будем солдатами до тех пор,
пока весь народ не поверит в голос партии, как в
собственный голос,
пока весь народ не станет единым,
пока правды свет не покончит с фашистской тьмою,
пока не разольется в Португалии свет социализма.
Люблю тебя, о партия моя,
того же, кто лжет еще не пробужденному народу,
будут судить проснувшиеся массы,
ведь гвоздики апреля расцветают в саду будущего, —
Португалия станет маяком для поработанных народов.
Ты выстояла, когда фашизм залпами
стремился покончить с тобой.

Идеи социализма ты несла сквозь десятилетия,
многие годы борьбы отдала ты за право
дать свет своей родине,
за право пройти по улицам с Серпом и Молотом.
Люблю тебя, о партия моя,
ты друг настоящий всех угнетенных,
ты алое знамя, освещенное звездой,
пропитанное кровью крестьян и рабочих,
и никто из твоих врагов не посмел отрицать,
что ты знаешь
запах решеток тюремных,
ужас карцера страшного и
пытток мученья.

Я буду бороться вместе с тобой, о партия моя,
и нет такого пожара, который бы поглотил искру
мысли твоей,—

она бессмертна.
Из жара борьбы ты выйдешь еще закаленной,
с тобой, о партия моя,
я буду стоять бессонными ночами на страже революции
и жизнь свою отдам борьбе,
если тебе потребуется моя жизнь.
И верю я, что к нам примкнут те, кто сегодня еще не с нами.
Мы откроем им наши сердца,—
так солдаты обнимают партизан,
до того по неведению
обстреляв их из пулеметов.

Зная, что именно сегодня, в пиковый день забастовочной борьбы, Ота-сэнсэй (сэнсэй — по-японски «учитель», уважительное обращение к людям пожилого возраста) чрезвычайно занят, я, откровенно говоря, не рассчитывал на эту встречу. Но ответ пришел немедленно. И вот мы в скромном рабочем кабинете, где я задаю первый вопрос:

— В каких условиях трудящиеся Японии отмечают нынешний Первомай?

— Японский рабочий класс, — говорит Каору Ота, — традиционно встречает День международной солидарности трудящихся боевыми выступлениями в защиту своих интересов от посягательств со стороны капитала. За два предыдущих года нам не удалось добиться повышения заработной платы хотя бы вровень с уровнем роста цен в стране, и одной из причин этого явилось отсутствие единства в профсоюзном движении Японии. И с этой точки зрения нынешнее весеннее наступление можно оценить как важный положительный сдвиг.

— Мы выражаем чувство искренней благодарности, — продолжает Каору Ота, — за усилия советских трудящихся в деле поддержания мира и укрепления пролетарского интернационализма. Советский народ всегда был на стороне народов Вьетнама, Лаоса, Кампучии, Анголы, оказывая им серьезную материальную и моральную поддержку. Мы хорошо понимаем масштабность задач, которые стоят перед советским народом, который во имя сохранения мира вынужден идти на определенные жертвы, укрепляя свою обороноспособность с тем, чтобы противостоять агрессивным империалистическим силам.

— Что бы вы хотели пожелать читателям «Огонька» и всем трудящимся Советского Союза в Первомайский праздник?

— В этот весенний праздник, в тридцать второй Первомай, который советские люди отмечают в условиях мира, хотелось бы пожелать им дальнейших успехов в выполнении задач десятой пятилетки, ибо ваши успехи служат наглядным примером борьбы японских трудящихся за свои права.

В. ТАРАНЕНКО,
корреспондент АПН, специально для
журнала «Огонек»

Токио, по телетайпу.

ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ НАД ЗАИРОМ

Борис ФЕТИСОВ

Наше время — время крушения последних оплотов колониализма и расизма на африканском континенте. Однако было бы опасным заблуждением думать, что враги независимой Африки уже сложили оружие и неспособны к ответным действиям. Напротив, события, которые сегодня происходят в Заире, свидетельствуют о том, что силы империализма и реакции не брезгают никакими средствами, чтобы помешать окончательному освобождению Африки.

Воспользовавшись тем, что в заирской провинции Шаб (бывшая Катанга) вспыхнуло повстанческое движение, западные державы не замедлили вмешаться в события, начав поставки вооружений в Киншасу, направляя туда военных специалистов. Поток оружия растет, а иностранные офицеры (Бельгия и Франция уже имеют в Заире каждая по сотне таких специалистов) практически вовлечены в боевые операции против повстанцев. Более того, полторы тысячи военнослужащих Марокко непосредственно участвуют в подавлении восстания.

Что это — операция по спасению режима, который, по свидетельству наблюдателей, оказался на грани краха, или же акция более широкого масштаба? Очевидно, и то и другое. Указывая на причины, которые привели к острому политическому кризису в Заире, африканская печать прежде всего упоминает тесную связь правительства Мобуту Сесе Секо с Западом, что позволяет монополиям наживаться за счет населения страны и ее природных богатств. «Медь — вот причина событий в Заире», — писала французская газета «Матэн де Пари». Что верно, то верно: в разработку месторождений полезных ископаемых только частные американские компании вложили около одного миллиарда долларов.

Экономическими интересами далеко не исчерпываются причины, по которым империалистические круги прибегли к взвинчиванию обстановки в этой части Африки. Крах расчетов врагов ангольского народа, провал их планов в отношении Мозамбика, а также стремительный рост освободительной борьбы коренного населения ЮАР, Родезии и Намибии заставили неоколониалистов перестроить всю свою стратегию. Дипломатия Запада пускается на всевозможные уловки, чтобы «вживить» угодные монополиям режимы в политическую структуру континента, подорвать независимость прогрессивных режимов. Острые подрывных действий эти круги направляют против Народной Республики Анголы (НРА).

В «оправдание» военного вмешательства в чисто внутреннее дело Заира западная пропаганда усиленно твердит о мнимой причастности Анголы и Кубы к действиям повстанцев. Однако правительство НРА с самого начала событий в Шаб неоднократно разъясняло, что не имеет к этому ни малейшего отношения, подчеркивая внутренний характер конфликта. Надуманность обвинений в адрес Анголы и Кубы вынуждены были признать и представители западных держав, в том числе США. Тем не менее кампания клеветы не стихает. Ее подлинные цели ясны: интернационализировать конфликт в Заире, воспользоваться ситуацией, чтобы повернуть в выгодном Западу направлении ход событий в этом регионе.

Налицо заранее спланированная акция стран — членов НАТО, рассматривающих юг Африки как жизненно важный район в глобальной стратегии защитников «свободного мира». Вашингтон воздерживается от широкого участия в этой операции: слишком сильны в США после вьетнамской авантюры антивоенные настроения, к тому же американская дипломатия делает сегодня ставку на «новую африканскую политику», требующую тщательного камуфляжа. Заметим, однако, что поставки из США в Заир различного снаряжения, необходимого для ведения войны (а в последнее время даже танков и другого тяжелого оружия), продолжают.

Оживились и генералы расистских армий, особенно в Претории, рассчитывающие ту же затынуть в общий узел свои интересы с натовскими планами. Отметим здесь и другое: в одной упряжке с отпетыми врагами африканцев оказались и пекинские «революционные» крикуны, поспешившие со «специальной помощью» Киншасе. Впрочем, и это никого в Африке не удивило: ведь Пекин уже показал свое истинное лицо в ходе империалистической агрессии против Анголы. В ту же «теплую» компанию попал и Израиль.

Шабаш империалистов и их пособников в Африке продолжается. Нашлись и желающие увидеть в этих событиях «коварную руку Москвы». Прогрессивная печать африканских стран дала достойную ответную злостным сочинителям небылиц. И все же неймется противникам международной разрядки. Некоторые круги на Западе мечтают раздуть милитаристскую истерию и вновь столкнуть международное сообщество на стезю «холодной войны».

Предупреждая империалистические круги, еще не выбросившие из своего арсенала недозволенные в международных делах приемы, Л. И. Брежнев в речи, произнесенной в Кремле 18 апреля этого года, говорил: «Мы решительно против подобных действий, где бы они ни происходили. Те, кто влезает в чужие дела, ведет линию на разрастание конфликтной ситуации в Заире и вокруг него, должны серьезно призадуматься, к каким последствиям это может привести».

ФЛАГ

Луиш СИЛИА

АВАНТЕ, КАМАРАДА

Аванте, камарада, аванте!
С нами вместе песню пой.
Аванте, камарада, аванте, камарада,
Взойдет заря для нас с тобой.

Сквозь ночь подполья и страданья
Пробился дня счастливый свет —
Мы вслед за новою зарей
Свободе гимн споем с тобой, —
Пусть процветает много лет.

Сжав кулаки над головою,
Салют героям отдадим.
Мы будем биться до конца,
Пока стучат в груди сердца,
Мы смертный бой не прекратим.

И чтоб увидеть свет свободы,
В ногу, товарищ, шире шаг!
Пусть озарит наш алый стяг,
Святой борьбы великий флаг,
И жизнь твою и твой очаг.

Перевела с португальского **Ольга ОЛЕНИНА.**

1 КРУПНАЯ ПОБЕДА

ИСПАНИЯ

Прогрессивные силы Испании добились значительных успехов в борьбе за демократизацию. Единодушие и твердость, проявленные демократической оппозицией, вынудили правительство принять решение о легализации Коммунистической партии Испании. Это крупная победа всех демократических сил страны. Четыре долгих десятилетия — во время гражданской войны, затем в мрачные годы франкистской диктатуры — коммунисты вели героическую борьбу за свободу и демократию. Сотни тысяч лучших сынов испанского народа отдали свои жизни ради счастья родины, тысячи других познали все ужасы фашистских застенков. Но жертвы не были напрасны. Без них Испания никогда не смогла бы сбросить позорный груз франкизма, вступить на путь демократизации. Легализация Компартии Испании, как отмечает ЦК КПСС в своем послании ЦК КПИ, всем коммунистам Испании, стала возможной в результате длительной и упорной борьбы коммунистов, рабочего класса, крестьянства против фашизма. Это одновременно результат мощной международной солидарности с демократическими силами Испании. Борьба за демократию в Испании еще не закончена, и испанский народ преисполнен решимости до конца уничтожить пережитки франкистской диктатуры.

На снимке: жители Мадрида приветствуют известие о легализации компартии.
Фото ЮПИ — ТАСС

2 ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА

ФРГ

Принятое в 1972 году постановление о радикальных элементах открыло в ФРГ простор для слежки за образом мыслей граждан, для деятельности шпионских служб, для доносов. И все это было подано под соусом защиты государства от «врагов конституции». С самого начала преследованию подверглись исключительно левые. Бывших нацистских судей, равно как и известных активистов из НДП, находящихся на государственной службе, никто не трогал. Жертвами «запрета на профессии» стали более чем три тысячи человек. Вслед за коммунистами преследованию подверглись социал-демократы, профсоюзные активисты, члены демократических молодежных организаций. Прогрессивная общественность ФРГ усиливает борьбу против продолжающегося в стране грубого нарушения гражданских прав.

На снимке: демонстрация против так называемых «запретов на профессии».
Фото ТАСС

3 МАРШ ПРОТЕСТА

ФРАНЦИЯ

Тысячи металлургов и шахтеров Лотарингии и северных районов Франции по призыву пяти профсоюзных организаций провели символический «марш» на французскую столицу в знак протеста против катастрофического положения в металлургической промышленности. Французская металлургия давно страдает от спада производства, конкуренции зарубежных компаний, падения цен на сталь на мировых рынках. Крупные монополии в поисках выхода свертывают производство, сокращают число рабочих. Увольнения грозят многим тысячам металлургов, так же как горнякам и рабочим смежных предприятий. Французские трудящиеся решительно встали на защиту своего права на труд. «Металлурги Лотарингии», — заявил секретарь Всеобщей конфедерации труда А. Кразюни, — полны решимости не допустить, чтобы их города, их район превратились в экономическую пустыню. Они защищают свой труд, заработок, семью, свое рабочее достоинство и в целом — экономическое будущее своего района и Франции.

На снимке: кордон полицейских, преградивший путь участникам марша.
Фото ЮПИ — ТАСС

4 МОЩНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

ПОРТУГАЛИЯ

Мощная демонстрация португальских трудящихся состоялась в городе Эвора. Она прошла под лозунгом «Защитить аграрную реформу, преградить путь наступлению фашизма». Десятки тысяч крестьян и сельскохозяйственных рабочих выразили протест против наступления реакции на одно из основных завоеваний португальской революции — аграрную реформу. Вместе с ними прошли по улицам Эворы представители профсоюзов металлургов, текстильщиков, транспортников, строителей и других отраслей промышленности.

Фото АДН — ТАСС

5 ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

ЯПОНИЯ

Продолжается традиционное весеннее наступление японских трудящихся в защиту своих прав. В столице страны состоялись митинги и демонстрации, в которых приняли участие 10 тысяч человек из Токио и соседних префектур. Представители трудящихся потребовали сокращения налогов, установления минимума заработной платы, призвали оказать решительное сопротивление «рационализации» производства, ведущей к дальнейшему сокращению занятости и ухудшению материального положения рабочих и служащих.

На снимке: демонстрация рабочих и служащих Токио.
Фото Джапан Пресс — ТАСС

6 В ТЮРЕМНЫХ ЗАСТЕНКАХ

США

В тюремных застенках «демократической Америки» томится сотни политических заключенных, многие — не один десяток лет. Среди них «пуэрто-риканская пятерка». 1 марта 1954 года Андрес Фигероа Кордеро, Ирвин Флорес, Рафаэль Кансаль Миранда и Лолита Леброн устроили в здании палаты представителей конгресса США демонстрацию в поддержку требований о предоставлении независимости Пуэрто-Рико. Они были арестованы и приговорены к длительным срокам заключения. Ранее был осужден их соратник по борьбе Оскар Колясо. Спустя 23 года «пуэрто-риканская пятерка» все еще томится в тюрьмах в условиях строгой изоляции от внешнего мира. Прогрессивная общественность США протестует против грубого подавления властями прав человека внутри страны и выступает за освобождение всех политических заключенных.

На снимке: жители Нью-Йорка требуют немедленного освобождения «пуэрто-риканской пятерки». В руках участников демонстрации портреты патриотов, томившихся в заточении.
Фото ТАСС

2

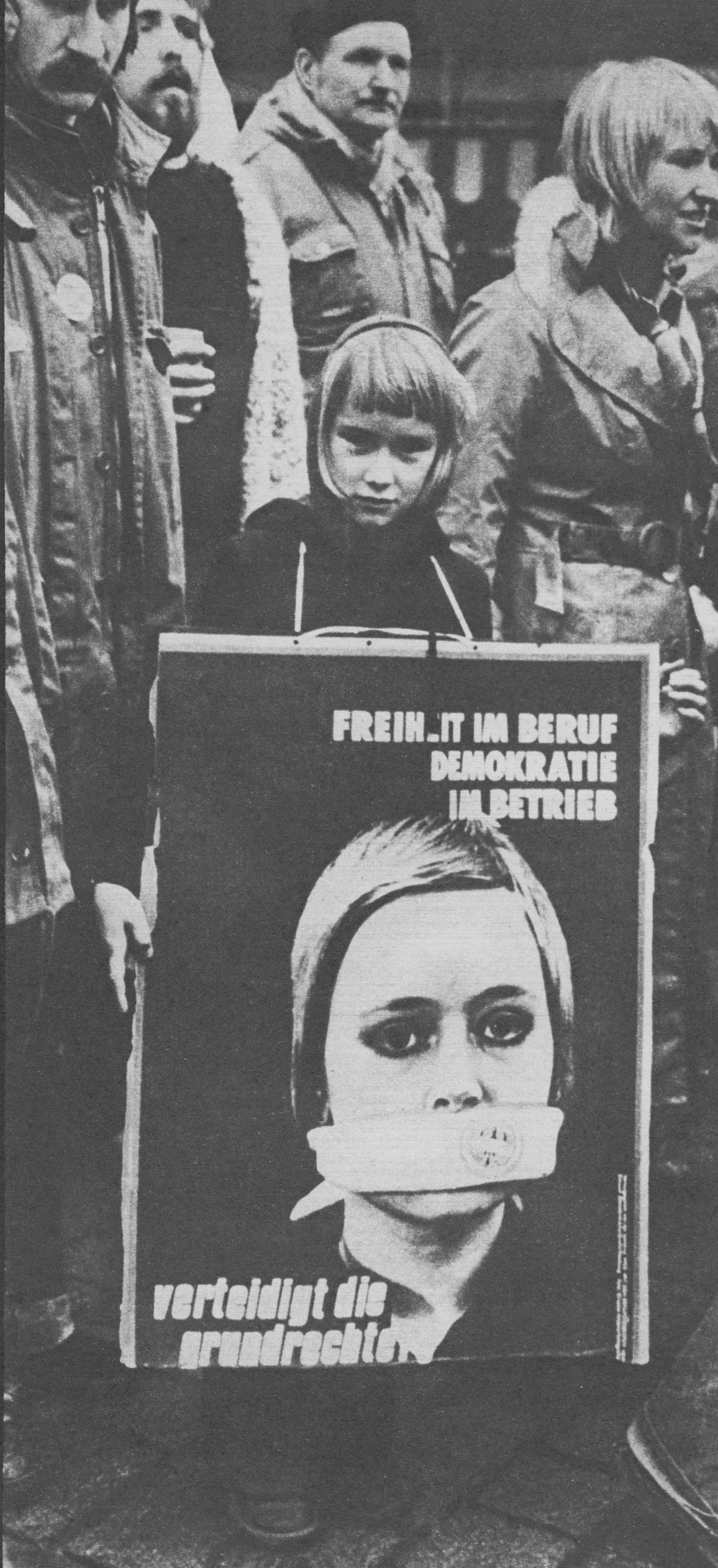
4

5

6

**FREIHEIT IM BERUF
DEMOKRATIE
IM BETRIEB**

**verteidigt die
grundrechte**

БОЕВОЕ ИСКУССТВО

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР, действительный член Академии
художеств СССР

Плакат — искусство молодое. По сравнению с такими, веками складывавшимися изобразительными жанрами, как скульптура и живопись, он, можно сказать, в младенческом возрасте. Но «младенец» этот не редкость деятельный, горластый, боевой.

Не так давно в Москве состоялась выставка «Советский политический плакат», показавшая славный путь этого жанра изобразительного искусства от 1917 до 1975 года.

Знаменательно, что яркая экспозиция была развернута в Государственном музее В. В. Маяковского, в том самом здании, где в маленькой комнате-«лодочке» многие годы жил и работал великий поэт, написавший вдохновенные строки: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Ведь именно он вместе с художником Михаилом Черемных придумал ту замечательную, новаторскую, ставшую легендарной форму наглядной агитации, которую назвал «Окнами РОСТА». Традиции Маяковского и Черемных в плакатном искусстве живут и по сей день, давая ему право занимать достойное место на переднем крае нашей изобразительной агитации, наглядной публицистики.

Плакат не сразу проявил свои удивительные возможности, не сразу раскрыл свою художественно-публицистическую природу в том качестве и в том значении, которое мы видим в нем сегодня. Появившись на белый свет в прошлом столетии, он представлял собой листы типографского текста, своего рода афиши, содержавшие те или иные сообщения, обращения, общественные призывы. Никаких рисунков в них не было. Но и в этой первоначальной форме он явил собой новый, революционный метод прямого, непосредственного обращения к массам, возникший именно потому, что на авансцену истории вышли миллионы людей, разбуженные и вдохновленные великими демократическими веяниями века.

Эту характерную черту плакатов того времени подчеркнул Фридрих Энгельс, писавший в одной из своих статей: «Что больше способствует сохранению революционной энергии в среде рабочих, чем плакаты, превращающие угол каждой улицы в большую газету, из которой проходящие рабочие узнают о событиях дня и об их значении...»

Таковы были первые исторические шаги плаката, уже ставшего в ту пору средством массовой агитации, но еще не выросшего в явление революционного искусства, еще не вооружившегося образно-эмоциональными средствами художественного произведений. Это произошло значительно позже, уже на глазах нашего поколения, в нашей стране, когда плакат понадобился революции, когда он был мобилизован и призван на защиту молодой Советской Республики.

Впервые тогда политический плакат приобрел страстность, убедительность и силу воздействия на умы и души людей, те замечательные боевые качества народного «уличного» искусства, которыми были проникнуты лучшие листы Моора, Дени, Черемных, Маяковского. В памяти народной эти произведения остались неуязвимой классикой, так же как и метко разившие врага патриотические плакаты Великой Отечественной войны.

Главное прошлое налагает сегодня на плакат особую ответственность: ведь он выполняет роль пропагандиста, трибуна, борца. В десятой пятилетке качества и эффективности плакатное искусство входит в соприкосновение с новыми задачами невиданного еще масштаба, предстает перед новым, выросшим зрителем. Сохраняя преемственность высоких гражданственных традиций, оно ищет новые выразительные средства, формы и образы.

Общезвестно, что плакат — глашатай идей, в этом его назначение и сущность. Ему противопоказаны невнятность, косноязычие, запутанность. Его святая обязанность — рассказывать зрителю о самом главном и важном, что происходит в стране и во всем мире, и говорить при этом точным, убедительным языком. Но найти наиболее выразительные формы и приемы не всегда просто. Ведь в процессе творческого поиска нередко столь важное в искусстве «чуть-чуть» отделяет счастливую художественную находку от надуманной экстравагантности. И только чувство меры не позволяет порой взволнованной неподлинности превратиться в ходульную напыщенность, задушевности — в приторную слащавость, а строгому лаконизму — в скучный примитив.

Развитие реалистического плаката невозможно без обогащения его свежими, смелыми, современными элементами и приемами. Совершенно понятны и неизбежны при этом творческие трудности, которые возникают в процессе становления и кристаллизации новой стилистики плакатных образов, часто неожиданных и не всегда привычных для зрительского восприятия. Манеры, почерки, видение плакатистов могут быть несхожими, различными, даже контрастными. Но постоянным ориентиром для любого художника-публициста, безошибочным компасом в его искусстве должна быть прежде всего политическая на-

правленность, гражданственность художественного замысла. Не условность ради условности, не любовное удачно найденным графическим приемом, — ясность и целесообразность художественного решения, красота и реальность формы — вот принципы, обеспечивающие плакату максимальный коэффициент полезного действия.

А ведь, скажем прямо, плакатист подчас поддается соблазнам изощренной, стилизованной декоративности, увлекается соотношением красочных «пятен», острыми ракурсами, гипертрофированной дробностью формы. Частенько это мотивируют стремлением к довольно отвлеченно понимаемой «плакатности». Споры нет, плакатность — неотъемлемое, обязательное свойство плаката. Иначе он рискует утратить основные, сильнейшие свои качества, превратившись, скажем, в обыкновенную иллюстративную картинку, или статистическую диаграмму, или увеличенную газетную карикатуру. При этом происходит путаница различных изобразительных жанров, смешение требований, предъявляемых, и вполне законно, к каждому из них.

Поэтому следует приветствовать выход в свет содержательной книги И. А. Свиридовой «Советский политический плакат», которая имеет подзаголовок «Некоторые тенденции развития плаката на современном этапе». Свиридова не пыталась «объять необъятное» и сосредоточила внимание на некоторых узловых моментах и тенденциях. В книге собран интересный фактический и иллюстративный материал. И хотя этот труд не свободен от недостатков, его основная направленность соответствует задачам боевого искусства плаката.

Хочу быть правильно понятым: для современного плаката абсолютно закономерно обращение к более сложным, чем раньше, оригинальным и неожиданным графическим приемам, соответственно индивидуальным склонностям автора. Но эта закономерность не должна превращаться в самоцель, в эстетическую игру. А ведь бывает и так, что благие намерения уйти подальше от набивших оскомину банальных композиций подчас приводят плакатиста в тупик дешевого оригинальничанья, к неким ребусам, в путанице которых пропадает душа плаката — его содержание, мысль, тема. Поиск свежих художественных приемов должен быть целиком подчинен четкости идейного замысла. Надо решительно отказаться и от приземленного натурализма, и от надуманного формотворчества, от привнесших штампов и в равной мере от «антиштампов», которые, в свою очередь, превращаются в штампы.

Большую плодотворную работу проводит плакатная мастерская при художественном институте имени В. И. Сурикова в Москве. Эту мастерскую основал и многие годы возглавлял М. М. Черемных, теперь ею руководит Н. А. Пономарев. Мастерская вносит ценнейший вклад в воспитание молодых художников, прививая им широту реалистического образного мышления, вооружая богатым арсеналом пластических и цветовых приемов.

Надо ли подчеркивать, что именно гражданственные, публицистические принципы советского плаката в сочетании с яркой, интересной, нешаблонной формой изобразительного решения и определяют дальнейший плодотворный путь развития этого искусства. Не следование приглянувшимся западным образцам, как это еще иногда бывает, а утверждение своего, самостоятельного языка и образов — вот что завоевывает работам советских плакатистов международный авторитет и престиж.

Мне довелось увидеть наши плакаты как бы со стороны. Произошло это не так давно во Франции, в Амьене, где в местном Доме культуры была развернута выставка современного советского плаката, до того показанная в Париже и других французских городах, а также в Португалии и Швейцарии.

Разнообразие тематики, широкий диапазон индивидуальных манер и художественно-пластических приемов явились для французов настоящим открытием, решительно опрокинувшим навязываемое кое-кем представление о нашем плакате как об однообразном и примитивном. Чрезвычайно приятно было наблюдать живой интерес к листам историко-революционного содержания или работам, пропагандирующим борьбу за мир и безопасность на планете, раскрывающим величие планов и свершений советских пятилеток. Отличное впечатление произвели также наши театральные, цирковые и киноафиши, подкупавшие оригинальностью, выдумкой, интересными композиционными и колористическими решениями.

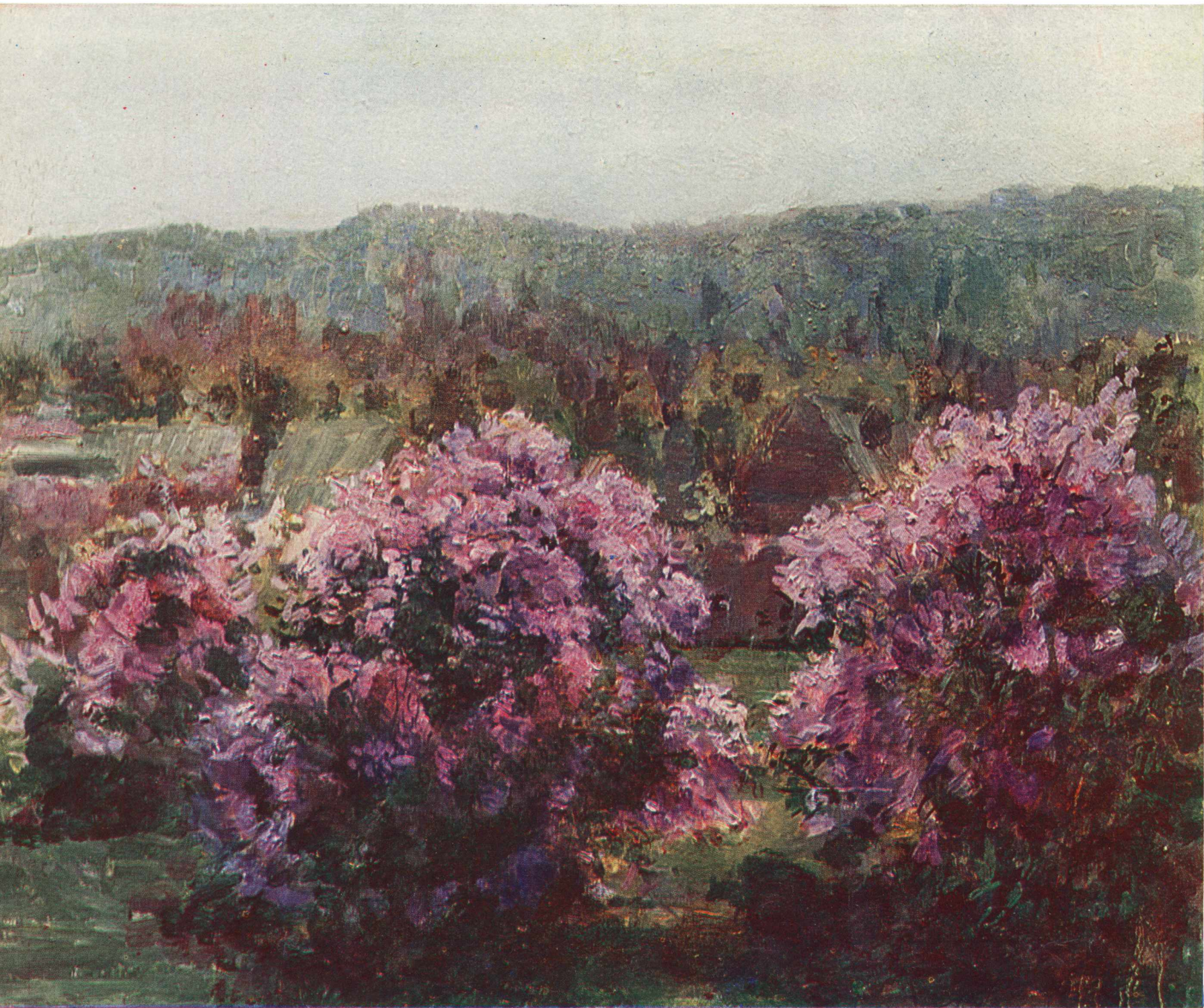
В то время в амьенском Доме культуры оказались одновременно две советские выставки — плаката и «20 лет работы Маяковского». В соседних залах, как бы плечом к плечу, предстали один из зачинателей советской наглядной агитации и его «уважаемые товарищи потомки». Ведь именно Маяковский назвал свою работу в плакате записью революционной борьбы, «переданной пятнами красок и звоном лозунгов».

Я покидал Амьен с убеждением, что обе наши выставки в этом городе явили собой пример достойного представительства советской культуры за рубежом. Творчество Маяковского и его продолжателей в искусстве агитационного плаката прозвучало здесь в единстве художественной и партийной направленности, стало яркой, выразительной и патетической пропагандой социалистического строя.

М. Лукьянов. Род. 1936. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Издательство «Планет».

Н. Ромадин. Род. 1903. НЕЖНАЯ СИРЕНЬ. 1976.

В этом номере мы открываем новую рубрику «Их именем...», под которой будут печататься материалы о героях Октябрьской революции, людях, чьими именами названы улицы, площади, заводы, поселки... Так увековечивает народ в памяти своей тех, кто отдал всего себя служению великому делу освобождения человечества от цепей рабства и угнетения.

В неполных двадцать лет питерский рабочий-марксист Виктор Ногин, красильщик на текстильной фабрике, начал принимать участие в революционном движении. Год спустя стал членом Российской социал-демократической рабочей партии, тогда же впервые подвергся аресту за организацию забастовки. Тюрьма, последующая ссылка, побег, эмиграция...

Первая встреча с Владимиром Ульяновым: Мюнхен, лето 1901 года. До этого они были хорошо знакомы заочно, вели переписку. Первый номер «Искры», сразу после выхода газеты, послал Ильич молодому питерскому рабочему-революционеру, просил дать отзыв. Виктор Ногин становится одним из деятельнейших агентов-распространителей ленинской «Искры», выполняя поручения редакции, нелегально возвращается в Россию. В Москве встречается с Н. Э. Бауманом, потом И. В. Бабушкиным, руководителями московского подполья. Несколько позже создает

Площадь Ногина в Москве.

Фото А. Награльяна

Петербургский отдел организации «Искры». Затем — заключение в Трубецком бастионе Петропавловской крепости и ссылка в глухое селение Енисейской губернии. Опять побег. Новая встреча с Владимиром Ильичем, в Женеве. Нелегально возвращается в Россию для подготовки II съезда РСДРП. И снова арест, ссылка, побег и — к Ленину, в Женеву. Ногин работает в женевской группе большевиков и через недолгое время пробирается в Петербург, где в качестве члена Петербургского комитета РСДРП руководит его военной

организацией и является членом Совета рабочих депутатов. В 1906 году Виктор Павлович Ногин принимает деятельное участие в организации забастовки нефтяников в Баку, в августе — член Московского комитета партии, руководит партийной организацией рабочего Рогожского района...

На V (Лондонском) съезде РСДРП несгибаемый ленинец избирается членом ЦК.

Возвращение на родину и новые аресты, ссылки.

Бесстрашный революционер. Таких и только таких знали Виктора

Павловича Ногина товарищи по партии. Царская жандармерия ума не могла приложить, куда, в какие самые отдаленные и гиблые места России заслать этого опаснейшего большевика, чтобы он не смог снова оказаться на свободе и продолжать свое дело.

А был он худым, высоким человеком в очках, похожим на сельского педагога, очень добрым, сердечным.

1917 год, апрель. На VI съезде РСДРП(б) Виктор Павлович Ногин избирается во второй раз членом Центрального Комитета партии. Революционный накал, влияние и популярность ленинской партии большевиков стремительно возрастают. В сентябре В. П. Ногин становится первым большевистским председателем Моссовета. 25 октября он принимает участие в руководстве вооруженным восстанием в Петрограде, а уже на следующий день в качестве члена Военно-революционного комитета и одного из первых наркомов только что созданного правительства — ленинского Совета Народных Комиссаров — руководит восстанием в Москве...

Недолго прожил после Великого Октября Виктор Павлович Ногин. В мае 1924 года, в возрасте сорока шести лет, он скончался. Его похоронили у Кремлевской стены. Благодарно чтит советский народ память о поколении большевиков-ленинцев, соратников великого вождя.

Именем Виктора Павловича Ногина, рабочего-большевика, профессионального революционера, названа площадь нашей столицы. Зовется Ногинский и подмосковный рабочий городок текстильщиков, где когда-то подростком начинал свою трудовую жизнь на фабрике Морозова будущий пламенный революционер ленинской школы.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Раздвигая годовую завесу

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

ПЕРВЫЙ ПАРАД

Это было
с бойцами, или страной,
или в сердце
было в моем.

В. Маяковский

Это в сердце поэта было
и с бойцами и со страной...
Стекла окон Москва помыла
первой послеоктябрьской весной.
Славный русский летчик Россинский
аппарату крылатому рад,
над Кремлем — один — проносился,
отмечая первый парад!

А на площади,
стоя рядом
со Свердловым, другом-бойцом,
Ленин

в небо впивался взглядом,
заслонив от солнца лицо.
И на тот биплан слабокрылый
зорко глядя из-под руки,
видел

многоцветные «илы»,
реактивные «ястребки».
Раздвигая годовую завесу,
видел

наших дней небосвод,
где недолгой дымкой белесой
оставляет след самолет...

БАСТИОН СТОЛИЦЫ

Городу-герою Туле.

Сначала были кремль и ров,
потом, чтобы в веках гордиться,
здесь вырос завод мастеров,
старинный бастион столицы.
Мне этот город по нутру,
не полюби его попробуй!
Здесь даже Первому Петру
поставлен памятник особый.
Не самодержцем — кузнецом,
без треуголки и камзола,
Петр с торжествующим лицом
глядит вперед, сжимая молот.
Здесь дружным славятся трудом,
рабочие в машинном гуле...
В июльский зной в сорок втором
лежал я в госпитале в Туле.
Наш госпитальный комиссар,
седоволосый и сутулый,
сказал нам: «Я, ребята, сам
сражался в ополчение Тулы!»
Он поглядел за окна в сад,
где солнце зелень обагрило:
«Не восемь месяцев назад,
а будто бы вчера все было.
Казалось, что спасения нет
от армии Гудериана:
упившийся вином побед,
он шел по европейским странам.
Но нашим людям
чужд был страх
перед фашистскими войсками,
и вместо белых флагов враг
увидел огненное знамя!
Фашисты, прячась за броней,

на город наводили дула,
но встал рабочий люд стеной
и клятву дал: «Не сдастся Тула!»
И помня, что Москва близка,
стояло насмерть ополчение,
пока не подошли войска,
отбив фашистов наступленье...
Вот что поведал комиссар
в палате раненым солдатам,
когда вечерняя роса
алела в пламени заката...
Прошли года, и вновь я здесь
и слышу песнь под гул баяна,
как в сорок первом сбили спесь
с надменного Гудериана.
Здесь уважают умный труд,
гордятся заводскою «робой»...
Мне город Тула по нутру,
не полюбить его попробуй!

Баба ДЖИГИДА

[СЬЕРРА-ЛЕОНЕ]

МАТЬ ТИМБУКТУ

Тимбукту —
Не мираж в пустыне,
Выдуманный историками,
А чудо, сотворенное
Деревянной сохой.
Источник мудрости,
Освежающий, как
Родниковая вода.

Источник, питавший мир
В течение веков.

* Тимбукту — город в Мали,
возник в XI веке, известен как
один из центров древней за-
падноафриканской цивилиза-
ции.

Древние свитки
Из-под пера мудрецов.
Храм наук и перекресток
Караванных троп.

Тимбукту — это факел,
Посылающий звездный свет
Из глубины веков.
Твое имя,
Тимбукту,
Неизгладимо
В памяти нынешних
И грядущих поколений.

Тимбукту —
Мать и прародительница
Африки!

ПРОСТО ТРУЖЕНИКИ

Их, словно вещи, пакует в ящики,
Везут в грузовиках
И бросают в трюмы.
Это живая контрабанда.

И они плывут,
Их качают волны,
Бездушные волны
Атлантического океана.

Так сбывается мечта,
Несбыточная мечта
О земле обетованной.

Но они не люди,
Они лишь руки,
«Дешевый ручной труд».

Они как сардинки

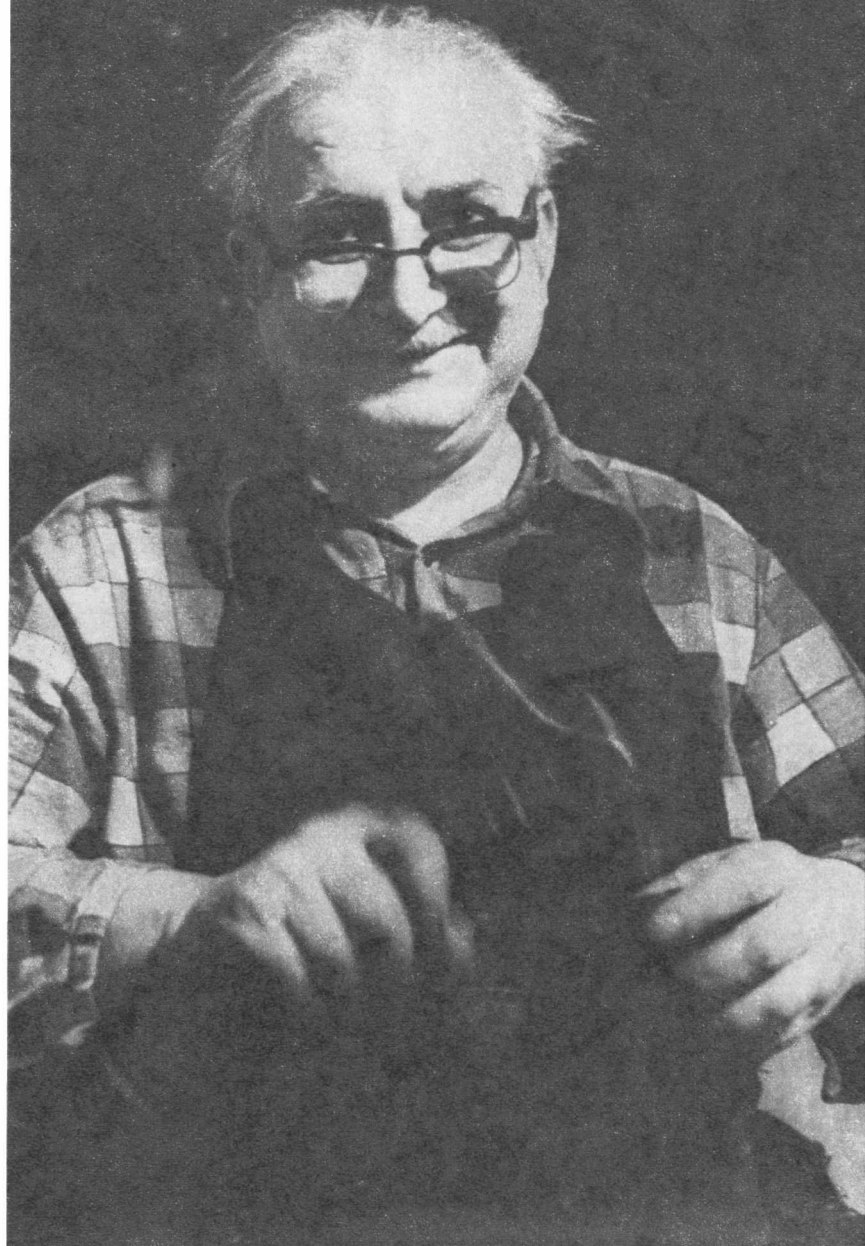
В консервной банке,
Как скот в тесных клетках.

Зима или осень,—
Для них сплошная зима,
Весна или лето —
Для них сплошная зима!

Чохотка и тиф,
Чума и холера —
Вот плата за честь
Подметать тротуары
И спать под мостами.
Так, может, вернуться?
Но как им вернуться?
И только их души отлетают
На родину, как на небеса.

Париж.

Перевел Р. ВИКТОРОВ.

Минас Петросович Батикян — волшебник из Дома моделей.

«МАСИС»

Ия МЕСХИ

Фото Г. РОЗОВА

Перед нами стоял седеющий брюнет и держал в поднятой руке мужской ботинок. Как хрупкую вазу. Как мечту. Затем он опустил ботинок на подставку и с той же невыразимой нежностью взял в руки изящную женскую туфлю. Глаза его при этом сверкали, а речь лилась. Он говорил об искусных мастерицах, сработавших плетёный верх мужского ботинка, о высоких достоинствах шёвра, что делается из шкурок молодого козленка, и требовал внимательно взглянуться в так называемую мирёю, тончайший рисунок, составленный из следов корневых козлиных волос. Он пел славу каблук, модель которого здесь, в Ереване, делается за неделю. Да-да, всего лишь за семь дней! Почему? Да потому, что наладили у себя это производство! Потому что давно уже надо стать поворотливее, изобретательнее, поспевать за модой и давать людям то, что они с удовольствием будут носить...

Так говорил Борис Георгиевич Арутюнян, директор ереванского Дома моделей обуви. И, поверьте, это было зажигательно, как тост, но, наверно, не стоило бы и ломаного гроша, если, выйдя на улицы Еревана, мы не увидели бы сотни, тысячи людей в хорошей, модной и, что самое главное, разнообразной обуви.

...На головной фабрике ереванского обувного производственного объединения «Масис» несколько этажей «идущей» обуви. Это всегда производит странное впечатление, будто по конвейеру плывёт невидимый глазу танцевальный ансамбль. Вот тут чуть-чуть подрагивают полиуретановые сапожки. А на другом конвейере (гусариковая обувь!) пошел на прогулку детский сад. А там в далекую перспективу цеха уходят по тропинке женщины в туфлях на невысоких каблуках, в самом деле хороших, расхожих туфлях, как говорят, на каждый день...

И всюду просматривают продукцию контролеры управления отдела качества. Здесь действует КСУК — комплексная система управления качеством.

— Вы спрашиваете, что было до нее? — говорит главный инженер объединения «Масис» Вартан Тигранович Бадалян. — А было то, что плохой ботинок обнаруживал себя на самом финише. Контролер ОТК просто-напросто не пускал его (а бывало, что и пускал!) в торговую сеть. От этого страдали и производство и покупатель. Теперь же контроль пронизывает все этапы производства, и мы ловим брак тотчас, на месте. Да и брака стало куда меньше...

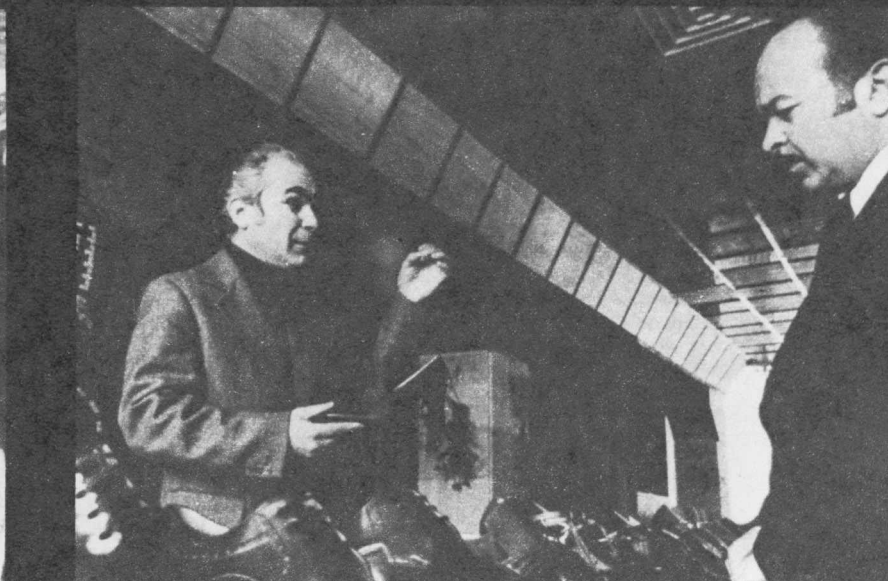
Мы познакомились здесь со сквозными бригадами отличного качества, что является характерным примером уже не производственной, а общественной формы управления качеством. Десять бригад в объединении, до двухсот человек в каждой. Рабочие связаны между собой технологической цепочкой. Все они, от приемщика сырья до упаковщика готового изделия, отвечают за то, чтобы это

Один из конвейеров фирмы «Масис».

Мимо такой витрины не пройдешь...

Главный инженер фирмы «Масис» В. Т. Бадалян (справа) и директор ереванского Дома моделей обуви Б. Г. Арутюнян.

ГАРАНТИРУЕТ

изделие было без изъяна, хорошо объединено с подошвой, окрашено, зашнуровано, упаковано. Эта форма контроля за качеством тоже значительно подвинула вперед дела фирмы «Масис». Два года она держит первенство в соревновании родственных предприятий отрасли. В прошлом году ей вручили орден Трудового Красного Знамени. Выпуск обуви первого сорта составляет 90,5 процента. Почти треть обуви — класса модельной. Есть ли рекламации? По отдельным фабрикам нет совсем. Но общий процент рекламаций по фирме пока еще 0,43. «Масис» первая в СССР наладила производство особо изящной обуви, сокращенно ОИО.

Специалисты обувного дела считают, что качество ботинка определяется целым комплексом самых разнообразных свойств, но главные из них, «три кита», на которых зиждется ботинок, — его износостойкость (назовем это прочностью), комфортность, то есть удобство для ноги, и, наконец, эстетическое оформление, красивый внешний вид. Так вот, если раньше треугольник возглавлял тот кит, который заведует прочностью; то сегодня (нет, вчера, позавчера!) ноги покупателей подталкивают вперед другого кита — эстетичности. Оригинальная модель, конструкция, каблук, эффектные материалы и отделка — вот что определяет сегодня спрос на обувь... И покупатель безразлично, как и где ее делают — на конвейере, или сидя на скамейке в сапожной мастерской, или в каких-то далеких странах. Небезразлично лишь, сколько она стоит. Хотя за обувь высокого класса он, естественно, готов заплатить больше,

чем за každодневную. И вот история ОИО, которую рассказал нам заведующий коженно-обувным отделом Минлегпрома республики Георгий Иванович Балабаджян.

— Коженное и обувное дело, — сказал он, — у нас, армян, просто в крови сидит. Не знаю древних истоков этого ремесла в народе, но в дореволюционном Ереване, почти не имевшем никакой промышленности, был большой коженный завод, один на все Закавказье. Перед его рабочими, кстати, не раз выступал Степан Шаумян. Теперь это одно из самых передовых в стране коженных объединений имени Степана Шаумяна. Были всегда в Армении и люди, умеющие шить хорошую обувь. А тут еще вернулись из-за рубежа на Родину наши соотечественники. Приехали со своим грузом кож и инструментов. А также и с грузом частнособственнической психологии. На фабрику к нам не шли. Оплата их не устраивала. Да и в самом деле, к чему стоять у конвейера этим виртуозам ручного ботинка? Но запасы сырья у них постепенно иссякли, и интерес к своему творчеству. И стали уходить они в другие профессии. Смотреть на это было грустно... Однажды мы пригласили к себе несколько таких виртуозов. Сшейте, сказали им, образцы туфель и ботинок для особо торжественных случаев в жизни человека. Сшили. Приятно было смотреть. Но как такую обувь внедрить в фабричное производство? Не будут же фабрики переходить с механизированного на ручной труд! А что если сочетать одно с другим? Оказалось, можно. Хорошо поразмыслили и

придумали своеобразную организацию производства такой, как мы ее назвали, особо изящной обуви. Создали и технологию. Прежде всего, конечно, модель. Потом бригада высококвалифицированных рабочих, которые обрабатывают детали заготовки, а также занимаются сборкой ботинка. Наконец, окончательная отделка, которую выполняет рука универсального мастера. Это ас своего дела, у него личное клеймо и, конечно, более высокая заработная плата...

— А за счет чего? За счет повышения цены на обувь?

— В какой-то степени да. Но в очень небольшой, потому что наша ОИО стоимостью на десять процентов ниже, чем импортная, а качество ее ничуть не хуже. Львиную долю оплаты трудоемких процессов в производстве ОИО взяло на себя государство, пересмотрев соотношение розничных и оптовых цен. Поверьте, убеждать Госкомитет цен было нелегко, но нас поняли и согласились с целесообразностью и необходимостью этого дела. Зато уже сегодня «Масис» выдает по четыреста пятьдесят тысяч пар ОИО в год. А как решилась у нас социальная проблема? Фабрики вобрали в себя бывших кустарей, они влились в ряды рабочих-обувщиков. Затем потянулась и молодежь, почувствовав здесь творческое начало. Сейчас под руководством наставников эту обувь делают у нас молодые.

Мы спросили Георгия Ивановича: простираются ли заботы «Масиса» на тех, кого не очень беспокоит этот вид продукции, кто хочет ходить просто в среднеступ-

ной, симпатичной, в меру изящной обуви.

— В том-то и главное! — вскричал Балабаджян. — Мы даже не ожидали, что ОИО станет стимулятором, окажет столь облагораживающее влияние на всю нашу продукцию, в том числе и на поток. Ведь как получилось? Сначала мы наладили целую фабрику ОИО. Затем цехи особо изящной обуви появились в каждой фабрике объединения. А это значит, что в коллектив вошли высокие специалисты, люди с выдумкой. И кое-что от них стали перенимать те, кто работал на конвейере. Воцарился дух мобильности и желания работать на конъюнктуру рынка. Взять хотя бы малые серии. Раньше мы так не делали, это уже новое. Запустим конвейер на тысячу пар обуви, отправим эту новую модель в торговлю и посмотрим, как реагирует покупатель! Если плохо — снимаем с производства. И еще один шаг вперед — начали на потоке производство нового вида обуви, которую назвали особо модной — ОМО. Наши модельеры создали две модели мужских ботинок такого класса, что не отличишь от ручных. При чем это лишь начало...

Потому мы и начали свой рассказ с зажигательных речей в Доме моделей «Масиса», в доме, где сидят художники, склонившись над линиями будущей обуви, где творятся туфли мастерами «золотые руки», где о таком вроде бы приземленном деле, каким может казаться сапожное, говорят с поэтическим вдохновением. Но, наверно, каждое дело, если оно любимо, надо держать в поднятой руке, как амфору, как фанел, как мечту.

Душевное изнеможение отобрало у Анастасии даже силу передвигаться. Когда вышла из вагона, стояла, как неживая, люди бились о нее в слепом удивлении, толкали туда-сюда, затачивали вслед за собой. Наконец очутилась на каком-то эскалаторе, затем на улице, снова увидела желто-красный ряд телефонных будок и лишь тогда поняла: домой, без свидетелей, в отчаяние, в одиночество, но, может, и в надежду. Какую? Разве она знала?

В подземных переходах под площадью Калинина заблудилась. Никогда не могла попасть в нужный ей выход, толкалась в разные концы, кружила вокруг подземного кафетерия в центре перехода, шла вдоль витрин, смотрела — не смотрела, все равно ничего не могла увидеть. Наконец прикрикнула сама на себя: опомнись!

Зашла в кафе, взяла чашечку кофе, встала у высокого столика. Пила не торопясь, вперила взгляд в пространство, не замечала, кто подбегает, становится рядом, проглатывает кориичневый напиток, мчится дальше, прерывистое дыхание, шорох подошв, человеческие запахи: пот, парфюмерия, немытые волосы, чистая старая шерсть с дуновением осени, далекие ветры, горький дым костров, на которых сжигают желтые листья... Возвратиться к живому, к существу, к простому, как дождь, как смех и утреннее небо, чего бы это ни стоило — возвратиться!

Выбралась из запутанности подземелий, зашла в гастроном, накупила провизии, домой прошмыгнула почти украдкой, менее всего желая встретить кого-либо из знакомых, двери — одну и другую — закрыла с повышенной тщательностью, телефонный аппарат с длинным шнуром перенесла из прихожей в комнату, но и там не стала звонить, а переоделась в домашнее, села на диванчик, поджав ноги, поставила аппарат на колени, занесла руку, чтобы попасть указательным пальцем в глазок номера, но тут рука оцепенела. Какой номер? Кому звонить? Карналю Петру Андреевичу? А что она скажет? Станет исповедоваться в своей страсти, которая навалилась на нее как кошмарный сон, налетела, смяла, искалечила, прорвалась диким взрывом из моря и, оставшись без ответа, взалкала немедленной мести, мерзкой, позорной, грязной, какую только и способна учинить женщина.

Решительно набрала телефон телеграфа, продиктовала телеграмму академику Карналю: «Тяжело переживаю страшное известие. Прошу вас принять мои глубочайшие соболезнования. Простите. Анастасия».

Телеграмм он получал, ясное дело, так много, что у него не будет времени в них вчитываться, так что не заметит этого неуместно-странного «простите» рядом с соболезнованиями, но, может, хоть поддержит в руках телеграмму — и уже легче на душе, и уже впечатление, будто в самом деле хоть на капельку очистилась от своего осквернения (добавить следует: добровольного) и грязи, обновилась, как луна, как вода, как ветер. Так будет лучше. Молчаливое сочувствие (ибо где уверенность, что твое сочувствие нужно этому чело-

веку в минуту, когда к нему обращается полстраны?) и молчаливое искупление, какого он не постиг бы даже тогда, если бы Анастасия бросилась к нему со своим раскаянием лично.

Послав телеграмму, с неожиданным удивлением почувствовала облегчение. Как бы отступил от нее черный призрак, уже не угнетало ей сердце случившееся в Кривом Роге, в гостинице, этом немом свидетеле случайных измен, скоропреходящих увлечений и разочарований, которые остаются навеки. То, что перестало существовать, может, и не существовало вовсе? Да здравствует все, что не состоялось, особенно же любовные истории. Неосуществимые намного привлекательнее. Они остаются чистыми, безгреховными, время не имеет над ними власти, ибо ведь то, что никогда не рождалось, умереть не может.

Но! Вот оно! Если бы... Если бы она не рождалась совсем, то не должна была бы и умирать. А так — нет спасения. Жизнь бежит от тебя жестоко и безжалостно. Чувствуешь это с особой отчетливостью в добровольном одиночестве, покоем на то, на какое себя обрекла. Вообще говоря, временное одиночество, особенно же добровольное, может быть даже приятным. Множество людей мечтает о нем. Но невыносимо, когда одиночество становится угрожающим, обещает длиться бог знает как долго, может, и всю жизнь. Тут можно сломаться, забыть о достоинстве, о принципах, броситься в суету. А когда женщина суетится, она мелькает, теряет свою значительность, скатывается на какую-то более низкую ступень, и тогда мужчина выступает перед ней в роли великой державы, которая великодушно может и удержаться от принуждения и диктата, но все равно будет напоминать о своей силе и величии уже одним только своим существованием.

Если бы так легко можно было подчиниться лишь здравому смыслу и никогда не прислушиваться к голосу крови. К сожалению, рано или поздно убеждаешься, что и ты, как другие, жаждешь посвятить свою жизнь какому-то мужчине, и только одному-единственному, ибо две тысячи лет христианства упорно живут в твоей крови и ты не терпишь жизни разединенной, расщепленной, разрозненной. Происходит это всегда неосознанно, нарушая все твои привычки, вопреки любым закономерностям. Когда впервые увидела Карналя, он не затронул даже краешка ее внимания, затем униженная не так им, как его окружением, возненавидела академика, еще некоторое время спустя забыла о его существовании, чтобы потом около моря не удивиться неожиданной встрече, а спокойно истолковать ее как неминувую закономерную, как увенчание всех тех немногих дней, на протяжении которых Анастасия знала и все больше узнавала Карналя, и когда, как ей казалось, благодаря этому знанию и его жизни и весь он как бы пребывал под ее своеобразной охраной. Охрана любви — вот что это такое!

Ах, какой смысл был в этих раздумьях, и что Анастасии до всего света? Ничего не было, и ничего не вернешь. Прощать могут только женщины, ибо они снисходительны и добры сердцем, а мужчины не прощают ни единого недостатка, ни единого проступка.

И все же она сидела и думала только о Карнале, упорно, до самоотречения, почему-то казалось ей: не порвалось еще то невидимое, что соединяло ее с этим удивительным и недостижимым человеком.

Позвонить! (Анастасия как бы впервые увидела у себя на коленях телефон.) Услышать его усталый голос и сказать, все ему сказать! Отчаянно набрала номер, боялась прижать к уху трубку, держала ее на расстоянии. Голос откликнулся почти мгновенно, но не голос Карналя. Она в волнении своем перепутала номера и набрала помощника! А может, так оно и лучше!

— Алло, Алексей Кириллович! — почти обрадованно отозвалась Анастасия. — Это вы?

Он узнал Анастасию. Кажется, обрадовался, как и она.

— Анастасия Порфирьевна, рад слышать ваш голос.

— У вас же не радость — горе.

— Да. Были трагичные дни.

— Петр Андреевич долго был возле отца? Какая-то тяжелая болезнь?

— Да нет. Все произошло неожиданно. Петр Андреевич ничего не... Он был во Франции на международной встрече ученых...

— Во Франции?.. Но ведь... Я встретила его у моря...

— Правда? Я не знал... Он не говорил... Да, собственно, такие дни...

— Я не совсем точно выразилась... Встреча случайная и... Я даже не могу сказать толком... Утром увидела его... Мы с друзьями плыли на лодке... Петр Андреевич обещал вечером прийти нас встречать — и исчез... Я даже испугалась...

— Это, наверное, в тот самый день, когда Кучмиенко «выкрал» его из пансионата, а я уже в Симферополе ждал с билетами на Москву...

Это было открытие, которое своим ужасом превышало даже те траурные четырехугольники в газетах. Анастасия сидела оцепенело, не смогла вымолвить ни слова, сжимала трубку побелевшими от боли пальцами, почти безумно поводила глазами. Что делать, что?

— Алло, Анастасия Порфирьевна, алло! — звал Алексей Кириллович. — Где вы? Алло!

Наконец она отозвалась. Не могла — хоть убейся! — придать голосу бодрости, Алексей Кириллович испугался еще больше:

— Что с вами? Может, вам нужна какая-нибудь помощь?

— Могла бы я с вами увидеться сегодня?

— Ну, конечно... Минуточку... Сейчас Петр Андреевич пошел в цеха. Будет до обеда. Кажется, уже не вернется больше. Сами понимаете... Я уже до конца работы посижу на телефонах... А потом можно. Скажем, что-нибудь в девятнадцать. Как вам удобнее, так и сделаю...

— Хорошо, в девятнадцать.

— А где?

Она ничего не могла придумать.

— Ну... Я просто не в состоянии.

— Дом моделей. Напротив театра.

— Напротив театра? Прекрасно! Благодарю вас, Алексей Кириллович, вы так добры.

— Есть добрее...

— Нет, нету и не может быть!

Положив трубку, Анастасия с удивлением глянула на телефон, мягким котенком уютившийся у нее на коленях. Зачем он тут и к чему? Небрежно сдвинула аппарат на пол, уютилась теплее и удобнее, накрыла ноги клетчатый пледом и неожиданно для самой себя заснула.

...Был уже вечер. Проспала целый день! Анастасия протерла глаза, вскочила с дивана, посмотрела на часы. Не опоздала? Быстро оделась, время еще было, вдруг ощутила, что голодна. Просто позорно: спит, ест... Поставила на плитку воду, раскрыла пакет с замороженными пельменями. Пельмени и переживания. Издевка. Но все же поела, обжигаясь, давясь, торопилась, как восьмиклассница, хотела ехать машиной, передумала, пошла пешком. Поднялась по Софийской, потом по Владимирской до улицы Ленина, где уже, наверное, ждал ее Алексей Кириллович.

Он действительно стоял на противоположной стороне улицы, напрягая взгляд, искал гибкую, высокую фигуру Анастасии в потоке людей, торопившихся в театр. Вторично они вот так встречаются и вторично среди людей, которые бегут на спектакль! Вечное движение! Искусство и будничность. Как завод или фабрика...

А Н А С Т А

Увидев Алексея Кирилловича, Анастасия испугалась: что она ему скажет? И вообще зачем позвала его сюда? По телефону он сказал ей все, чего она еще не знала. А то, что у нее, — это не для него и не для кого, даже не для Карналя.

Человеческие потоки спасли Анастасию. Закружили ее, понесли. Алексей Кириллович, кажется, все же увидел ее с противоположной стороны улицы, замахал ей, может, крикнул, но за шумом машин не услышишь, а тут сверху покатил к Крещатику троллейбус — два сцепленных вагона, длинные-предлинные, если пойти за ними, спрячут тебя от всех, кто на противоположном тротуаре, закроют, перекроют... Еще не забывая о последствиях, а только поддаваясь подсознательному зову к бегству любой ценой, Анастасия быстро пошла вниз, стараясь не отстать от сдвоенного троллейбуса, а там уж были сумерки, было еще больше народу, который наплывал из подземного перехода от универмага и от гастронома на углу. Анастасия нырнула в переход. Если и впрямь увидел ее Алексей Кириллович у театра, то теперь подумает, что то был просто обман зрения. А она полетит без никого, никому не говоря, куда и как, с мотыльками и ласточками...

Телефон звонил у нее весь вечер и всю ночь, упорно, настырно, просто возмутительно. Анастасия не брала трубку. Если Алексей Кириллович, то что она ему скажет? Пусть завтра. Тогда можно будет солгать, что искала его и не нашла. Опоздала или пришла слишком рано. Сегодня уже не помнит.

Ночь снова спала крепко и снова снилась себе маленькой и в лесу. Любила лес, точно свою душу, и он всегда приходил в ее сны тихий, спокойный, как отец.

С утра не знала, куда себя деть. Теперь уже хотелось услышать звонок от Алексея Кирилловича, но тот не звонил, заставлял себя ждать, поэтому, когда позвонил телефон, Анастасия чуть не бегом кинулась к нему. Но то был не Алексей Кириллович, а только Митяголомозый, заведующий промышленным отделом их редакции, прозванный так из-за своей всегда выбритой головы и тонкого, пронзительного голоса, как у служителя султанских сералей из оперы «Запорожец за Дунаем».

— Что тебе, Митя? — не очень доброжелательно полюбопытствовала Анастасия.

— Куда ты пропала, Настя? — недовольно пропичал Митя. — Бросила здесь кучу своих материалов и пропала, а ты разбирайся.

— Какую кучу? Каких материалов?

— А я знаю? О девятый домне ты писала?

— О домне? — Только теперь она вспомнила о своей ожесточенной работе на протяжении целой недели. — Ах, прости, Митя. Забыла.

— Рехнулась — такое забыть! Наш редактор ночи не спал, сегодня всех тут гоняем. Даем в трех номерах. С продолжением и со всеми твоими снимками. Цинкографы обдерут всю мою шевелюру.

— Не слишком сильно придется им трудиться!

— Тебе все смешки. Приезжай, хоть разберемся.

— Разбирайся сам. Я еще в отпуске.

— Тогда зачем же написала?

— Мое дело. А твое — заведовать своим отделом...

— А материал? Материал чей? — отчаянно завизжал Митя, но Анастасия положила трубку. Напечатают без нее.

Она встала возле окна, посмотрела на крыши старых домов, взглянула на Софию, потом опустила взгляд вниз и впервые за эти дни увидела свою машину. Забрызганная, несчастная, покинутая, томилась она у края тротуара. Помыть машину — вот и работа! Анастасия на-

тянула брюки, кожаную куртку, повязала голову тонким шерстяным платком, чтобы не до конца быть похожей на парня, еще немного подождала звонка от Алексея Кирилловича, но телефон молчал с таким же упорством, как вызванивал на протяжении всей ночи, пришлось идти, так и не объяснив ничего доброму тому человеку, который вчера, видимо, немало подивился, когда она точно провалилась сквозь землю в своем почти цирковом фокусе исчезновения.

Из подъезда Анастасия вынырнула почти такой же беззаботной, как выскакивала каждый день.

Между домом и машиной, к которой бежала Анастасия, стоял мужчина. Высокий, массивный, как горный хребет, спокойный и уверенный в своей силе. Анастасия чуть не врезалась в него. Ударилась — разобьешься. Уже раз попыталась, странно, как уцелела. Но какой ценой?

— Ты? — Еще не веря, что это в самом деле Совинский, Анастасия отступила на шаг. — Как ты сюда? И зачем?

— Здравствуй, Анастасия. Звонил-звонил и решил сам... — Совинский пошел на нее, протягивая сразу обе руки, словно хотел поймать ее и уже не выпустить. Анастасия попятилась, потом, спохватившись, сама решительно пошла на Совинского, отклонила его руки, строго сказала:

С Ш Я

— Пойдем отсюда. Нам надо поговорить. Тут не место.

Пошла вверх к площади Богдана. Совинский не успевал за нею, как только догонял, Анастасия снова вырывалась вперед, выбирала дорогу так, чтобы рядом с нею на тротуаре не оставалось для Совинского места. Не хотела его рядом с собой даже тут. Но Совинский еще не понимал этого, не мог и не хотел понимать. Когда очутились в скверике с расставленными там и сям стилизованными изображениями древнекиевских богов, божков и боженят, Иван снова попытался поздороваться с Анастасией и с радостным вздрагиванием в голосе сообщил, что осуществил свое обещание и теперь вот здесь.

— Не понимаю,— холодно прервала его восторженную речь Анастасия.

— Сказал тебе, что приеду, попрошусь к Карналю. Чтобы быть с тобой.

— Со мной?

— Ну... Вместе... Я же не мог после того... Бросить тебя...

— Меня? Бросить?

Он так никогда ничего и не поймет. Ни за что не постигнет, что она не относится к женщинам, которых бросают, оставляют, вгоняют в отчаяние невниманием и забвением. Не ее бросают — она!

— Уже встретился с Карналем. Случайно. Помог Юра Кучмиенко. Петр Андреевич принял меня. Хотя бы слово... Сдал заявление в отдел кадров... Сегодня получу пропуск...

Он бормотал и бормотал, смотрел на Анастасию почти умоляюще, а она отводила глаза на какого-то древнего божка со смеющейся физиономией. Плакать или смеяться?

— Ничего не понимаю. Сказала же тогда, чтобы не смел...

Совинский отступил немного. Не узнавал эту женщину. Ни голоса, ни глаз, ни поведения. Обнимал он ее или нет? Еще минуту назад был уверен, что да, теперь бы не мог этого утверждать. Была так же далека, как и в ту неожиданную ночь в Кривом Роге. Чужая, холодная, гордо-неприступная. Тогда что же это было?

Он произнес эти слова вслух, совершенно опеший от непонятного поведения Анастасии, и вызвал настоящий взрыв.

— Что было? — закричала Анастасия. — А если и было, так что? Разве уже стала твоей рабыней после того? Нужна любовь. А было только отчаяние. Если бы ты не подвернулся, а так...

Она смотрела теперь на Совинского твердо, не отводя взгляда. Иван увидел: одичало-враждебные глаза пронизывали его с темной безжалостностью, убивали, уничтожали. Ничего не может быть более жестокого, чем женщина, которая не любит...

— Но... Конечно, это не имеет никакого значения, но я... — Он путался в словах, не знал, что сказать, как ему быть.

— Ну, я жестокая. Дала тебе надежду, теперь отобрала навсегда. Но что я должна делать? Иначе не могу... Если бы ты мог все знать...

В этих словах он уловил для себя какую-то надежду, хотя и говорилось в них, чтобы не надеялся.

— Но ведь... Ты... Такая цена... Я не требовал ничего, ты сама...

— Разве ценность любви измеряется тем, что за нее платят? — Анастасия уже откровенно издевалась над растерянностью Ивана. — Любовь не имеет цены.

— Это опять-таки не имеет значения, но... Я чувствовал себя таким счастливым... Думал: счастье на годы и годы... Кажется, был бы к тебе таким добрым, как...

— А я не люблю добрых! — отбирая у него последнюю надежду, жестоко сказала Анастасия. — Добрые — это никакие. Трусые. Со всеми одинаковы. На всякий случай. Предупредительны и трусливы. Никогда ничего не решают, не делают зла, но и добра — тоже. С такими хуже всего. Человек должен быть борцом, а борцы добрыми быть не могут. Я сама злая и смогу полюбить только злого, пойми, Иван...

— Как же мне теперь? Опять из Киева?

— Не гоню тебя отсюда. В Киеве живет два миллиона человек. Будешь одним из двух миллионов. А обо мне забудь. Прощу тебя и... велю, требую. Будем друзьями, но не больше. Согласен?

Совинский молчал. Ничего не имело теперь для него значения. Но что-то же когда-нибудь будет иметь?

* * *

Кончилась сороковая неделя года. Такую хронологию, кажется, не пробовал внедрить никто, может, именно это и натолкнуло несколько лет назад молодых сотрудников Карналя объявить сороковую субботу года Днем кибернетики, не пытаясь, ясное дело, вынести проведение этого дня за пределы их объединения и не трактуя его как обычный праздник.

О сороковой субботе у Карналя велось много разговоров, слухи наползали один другого страшнее: мол, кибернетики не знают меры в своих остротах и всеобщем осмеянии, авторитеты у них в этот день презираются, в объединении царит дух анархии, который доходит до того, что в одном из отделов вывешивается плакат: «С нами Апостол!» — только на том основании, что возглавляет отдел молодой ученый по фамилии Апостол, а в другом (на том же основании) плакат с надписью: «С нами Махно!»...

Но слухи оставались слухами, они так и умирали, только народившись, ибо не имели никакой пищи: Карналь предусмотрительно распорядился в День кибернетики никого постороннего на территорию объединения не пропускать.

Анастасия, как и все нормальные люди, никогда не вела счет неделям, не знала, что нынче как раз сороковая неделя года, ей была чужда магия чисел.

Но тут пошли в редакцию письма читателей с наивысшими оценками статьи о домне номер девять, и редактор пригласил Анастасию к себе, вопреки своему обычаю встал и ждал, пока она сядет.

— Вы знаете, что приближается сороковая суббота? — спросил Анастасию с неприсущей ему загадочностью в голосе.

— Сороковая? Суббота? А какое это имеет значение? Никогда не нумеровала суббот, ни вообще каких-либо дней. Есть календарь — разве этого не достаточно?

— В принципе да. Но речь идет именно о нарушении принципов. Сороковая суббота в объединении академика Карналя провозглашена, конечно, неофициально, их днем смеха, так сказать, внутренней критики, днем срыва масок, днем откровенности, устранения любых субординаций, разрушения иерархии. Нечто такое приблизительно, ибо точно никто не знает...

— Не понимаю... — Анастасия сделала движение, будто хочет встать со стула. Не могла сдержаться: неужели редактор знает, что творится у нее на душе? Но откуда бы и как? Даже Алексей Кириллович, этот самый тактичный человек на свете, ничего не узнал от Анастасии, совершенно удовлетворился ее неуклюжим враньем о том их неудавшемся свидании, слышал только ее голос по телефону — и все, большего она не могла позволить никому, суеверно считая, что каждый, кто заглянет ей в глаза, увидит там все.

— Какое я имею отношение?

Редактор был терпелив и кроток.

— Вы меня еще не дослушали.

— Слушаю, но... Мы с вами договорились, что о Карнале...

— Не о самом Карнале в данном случае...

— Но ведь объединение его... У меня такое впечатление, будто вы... Будто толкаете меня все время туда, не понимая, что я... вообще, там никто не желателен...

— Журналист не должен обращать на это внимания. Желателен — не желателен, что это за критерий? Есть долг — он превыше всего. Повсюду проникать, все видеть, замечать. Пришел, увидел, написал... Вообразите только... Десять лет в объединении Карналя в сороковую субботу что-то происходит, а никто ничего не знает. Как вы считаете, это нормально?

— Если никто ничего не знает, значит, никто не может ни возмущаться, ни вообще...

— Ладно. А воображать такое. Наша газета становится гостем на этой субботе большого

смеха и приглашает своих читателей посмеяться вместе с кибернетиками, впуская на свои страницы...

— Что? Смех?

— Допустим, смех.

— Но ведь вы постоянно повторяете, что демократия — вещь серьезная?

— Сама по себе — да. Но ведь элемент смеха, как великого очистителя, не отбрасывается. Маркс сказал, что человечество весело расставалось со своим прошлым.

— Не помню, чтобы вы когда-нибудь вспоминали эти слова Маркса.

— А вот же вспомнил!

— И выбрали самый неподходящий случай.

— Почему вы так считаете?

— Потому что раз Карналь никого до сих пор не пускал на эту субботу, то он и дальше будет поступать так же. Вы лично пытались получить у академика разрешение?

Редактор изобразил на лице такое же страдание, как во время своих ритуальных думаний.

— Поймите, что официально это невозможно... Ни редактору, ни редакции вообще. Только личные контакты...

Анастасия вскочила, отставила стул, нервно теребила ремешок сумочки.

— При чем тут личные контакты? Почему вы считаете, будто я...

Редактор тоже встал. Он немного смутился, чего, кажется, никогда с ним не случалось, в голосе слышалась даже как будто мольба, но разве же редакторы могут прибегать к мольбам?

— Может, это глупо, Анастасия Порфирьевна... Но я подумал... Вот взял и подумал: никому не удавалось, а вдруг нашей Анастасии удастся... Это была бы такая бомба!.. Ваша домна, конечно, прекрасна. Но что такое домна? Это общедоступная вещь. Как Третьяковская или Суздаль. Приходи, смотри, пиши, рассказывай... А тут... Да вы сами понимаете... Я не могу давать вам задание... Вообще на эту тему не могу... Просто сказал... Не хотел вас обидеть... Напротив... Подчеркнуть ваши достоинства... Простите...

Странное поведение, странный разговор, еще более странные последствия. Сороковая суббота года. Число четыре у пифагорейцев, число сорок у древних славян. Символы, намеки, таинственность, неразгаданность. Анастасию не влекла никакая таинственность, никакая неразгаданность, не рвалась она ни за какие запретные двери — довольно имела своего темного, мучительного, перзоданно запутанного в душе. Но бывает такая безыходность, из которой собственными силами уже не выберешься, зато дозволно малейшего толчка со стороны, и ты готовно подчиняешься той посторонней силе, поддаешься слепому автоматизму случая, удачи, без надежды надеясь на избавительный свет, который неминуемо должен тогда засиять где-то далеко-далеко впереди, выводя тебя из мрака безнадежного отчаяния.

Только взблеск того света, тоненький, как ниточка, повел Анастасию снова на знакомую улицу к знакомому современному сооружению конструкторского корпуса, что так красиво вырисовывался на фоне линялого осеннего неба своими бирюзово-серебристыми плоскостями стен-окон, но не стала подниматься скоростным лифтом на знакомые этажи, а из вестибюля, где в удобных креслах перед столиками, на которых стояли вазы со свежими цветами, сидело, как всегда, несколько задумчивых юношей, позвонила Алексею Кирилловичу и спросила, не мог ли бы он спуститься вниз.

— Через три минуты буду возле вас, — пообещал он. — Надеюсь, у вас все хорошо?

— Благодарю, все прекрасно.

— С тем большей радостью я повидаю вас...

Он не изменился за это время, как будто все хорошее и дурное в жизни обходило его стороной, а он стоял на перекрестке, всем помогал, содействовал, сочувствовал, совершенно удовлетворяясь высокой ролью посредника.

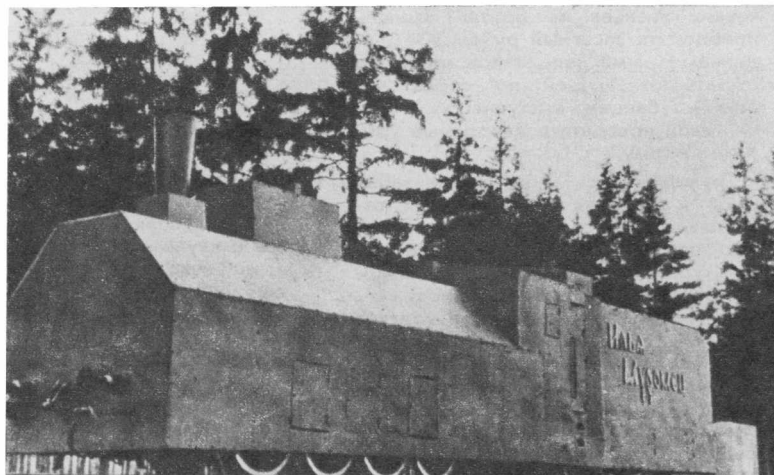
— Эх, — пошутил Алексей Кириллович, пожимая Анастасию руку, — если бы не был женат...

— Так что? — приняла она его игру.

— Да не было бы двух моих мальчишек...

— Тогда?

ПУТЬ БОГАТЫРЯ

Бронепоезд «Илья Муромец».

Мы сидим с Александром Васильевичем Солдатовым в просторной гостиной его собственного дома № 10 по улице Дзержинского в городе Муроме. Перед нами целая папка различных документов: решение бюро Муромского горкома партии 1941 года о направлении его на должность машиниста бронепоезда «Илья Муромец», фотографии военных лет, благодарности Верховного Главнокомандующего, письма боевых друзей.

— От Мурома до Франкфурта-на-Одере — вот путь нашего богатыря «Илья Муромца», — говорит Александр Васильевич.

В древнем городе на Оке живут и другие члены боевого экипажа бронепоезда: Борис Алексеевич Соин, Алексей Георгиевич Шмелев, Александр Васильевич Бирюков. Все они бывшие машинисты локомотивного депо Муром, сейчас пенсионеры. Вместе они воевали, вместе водили бронепоезд на боевые задания, вместе вспоминают дела минувших дней. А вспомнить есть о чем.

...Шла тяжелая военная осень 1941 года. Фашистские полчища рвались к Москве. Воины Западного фронта, весь наш народ встали на защиту родной столицы. Московско-Казанская железная дорога была одной из магистралей, питавших фронт боевой уральской и сибирской техникой, боеприпасами, продовольствием и обмундированием. Эшелоны следовали один за другим через Муром на Москву и обратно. Поезда нередко шли под бомбами фашистских стервятников, встречавших их на пути. Необходимо было срочно построить бронепоезд.

В сентябре муромские паровозники принялись за строительство. Работа в цехах локомотивного депо не прекращалась днем и ночью. Приходилось завешивать окна непропускающей бумагой, потому что над городом то и дело появля-

лись вражеские бомбардировщики. В строительстве принимали самое деятельное участие и будущие члены экипажа — Солдатов, Соин, Шмелев, Бирюков, Смирнов. Выпускные и кулебанские металлурги изготавливали 45-миллиметровые броневые листы, которыми обшивались паровоз и вагоны. Термическая обработка их производилась на бывшем паровозоремонтном заводе, ныне Муромском тепловозостроительном заводе имени Ф. Э. Дзержинского. Полутонные броневые листы ставили в трескучие морозы.

8 февраля 1942 года грозный богатырь, вооруженный пушками, зенитными орудиями, пулеметами и знаменитыми «катюшами», стоял на путях станции Муром. На бортах его красовалось написанное древнеславянским шрифтом имя былинного земляка муромцев — «Илья Муромец».

— Крепче бейте фашистов!
— Возвращайтесь с победой!
— Громите идолище поганое, как наш земляк Илья Муромец, — напутствовали провожающие.

— Не посрамим земли нашей русской! — отвечал командир бронепоезда Павел Каленикович Хмель (сейчас он живет в поселке Ситковцы, Немировского района, Винницкой области).

Под звуки духового оркестра богатырь тронулся в боевой путь. Горьковчане тоже построили бронепоезд, который назвали именем своего прославленного земляка — «Козьма Минин». Был создан дивизион бронепоездов. Под Москвой «Илья» и «Козьма» приняли боевое крещение. Они охраняли Подмоскovie от фашистских самолетов, перебрасывались в районы боевых действий. Немечко-фашистское командование быстро узнало о появлении «Илья Муромца» и «Козьмы Минина». На станции Горбачево на них налетели вражеские бомбардировщики. Машинисты Солдатов и Соин, умело маневрируя, спасли бронепоезда от бомбовых ударов. Один «юнгерс» был сбит. В этом бою погиб машинист Виктор Алексеевич Смирнов, несколько человек были ранены.

Когда под Мценском взяли в

плен немецкого ефрейтора, он сообщил, что немецкое командование распространило слух, будто бронепоезда разбиты. Действительно «Козьма Минин» был поврежден. Но усилиями обоих экипажей его быстро восстановили.

Александр Васильевич Солдатов рассказывает:

— Мне особенно памятна дуэль «Илья Муромца» с немецким бронепоездом на станции Ковель летом сорок четвертого года. С наблюдательного пункта сообщили, что нашу передовую обстреливает немецкий бронепоезд. Надо было во что бы то ни стало уничтожить его.

Разведчики установили точное место расположения врага. Экипаж замаскировал паровоз и вагоны кустами, травой.

Машинист Солдатов и помощник Шмелев развили большую скорость, бронепоезд внезапно открыл огонь по врагу. Немецкий бронепоезд был уничтожен.

— Вот этот эпизод: члены нашего экипажа ходят по крыше разбитого «немца», — показывает Александр Васильевич старую фотографию.

Приказом Верховного Главнокомандующего за бой под Ковелем бронедивизион получил название «Ковельский». После освобождения столицы Польши ему было присвоено звание «Варшавский». Две с половиной тысячи километров прошли бронепоезда по боевым дорогам войны, закончив свой путь у Франкфурта-на-Одере. Их экипажи вернулись на родину победителями. Чтобы увековечить память о создателях и экипаже «Илья Муромца», было решено восстановить бронепоезд в таком виде, как он был на войне. Разработали чертежи, привлекли к работе бывших членов экипажа.

И вот муромский богатырь стоит сейчас в парке имени 50-летия Советской власти. Ежедневно сотни туристов, экскурсантов осматривают его, изучают его славный боевой путь. Члены экипажа, проживающие в Муроме, часто получают письма от своих боевых друзей, вместе отмечают торжественные, праздничные даты.

Н. ИСАЕВ.
Фото автора.

Муром.

— Тогда я попытался бы поухаживать за вами, Анастасия Порфирьевна.

— Если уж ухаживать, то просто — Анастасия...

— Согласен! Рад вас видеть! Все-таки мужское общество утомляет.

— Кажется, в вашем объединении пятьдесят процентов — женщины. К тому же вы очень молодые. Моложе меня. Я знаю средний возраст.

— В объединении — да. А в руководстве! Одни мужчины. А уж там не имеет значения, стары они или молоды. Кучмиенко или Гальцев.

— А я к вам с большой просьбой, — сразу перешла к делу Анастасия.

— Все, что смогу...

— Речь пойдет о невозможном.

— Тогда обещать не имею права, но постараюсь...

Анастасия отвела Алексея Кирилловича как можно дальше от задумчивых мальчиков, сидевших в мягких креслах. Свидетели нежелательны! Даже если среди них — какой-нибудь будущий гений, во что всегда хочется верить в таких святилищах человеческой мысли.

— Я хотела просить вас... Сороковая суббота... Понимаете?

И тут впервые увидела, что даже Алексей Кириллович может быть неискренним.

— Сороковая? Суббота? — переспросил он, как будто впервые услышал эти слова.

— Не знаю, как у вас называется этот день, но я бы просила вас...

— Меня? Просить? — Алексей Кириллович мучительно ломал брови, он не умел быть не-

искренним, но и не видел для себя иного выхода, поэтому изо всех сил разыгрывал непонимание, неинформированность, играл в наивность, забывая, что актер из него — никакой.

Анастасии стало жаль Алексея Кирилловича. Она взяла его за руку, заглянула в глаза.

— Алексей Кириллович, я вас понимаю. Знаю, что никогда никого из посторонних на этих субботах не было. Знаю о строгом запрете академика Карналя. Знаю, что и меня, если я обращаюсь даже к самому Петру Андреевичу, не пустят... Да и почему бы для меня делать исключение? Но все равно я пришла к вам, именно к вам...

— Я вам благодарен за столь высокую честь, Анастасия, но действительно... Петр Андреевич самым строгим образом... Никто не имеет права...

— А если без права?.. Имеете вы здесь какое-то влияние?.. Поймите: это не задание редакции, я не хочу выступать официальным лицом... Может, пригодится когда-нибудь, если я в самом деле что-то напишу о Петре Андреевиче... А может, и нет... Только взглянуть, инкогнито... Ни единая живая душа не узнает об этом... Могли бы вы это сделать для меня, Алексей Кириллович?.. Понимаю, какое это нахальство, и все же...

— Давайте открыто. — Алексей Кириллович уже превозмог себя, с облегчением сбросил неприсущую ему маску притворства, снова стал простым и милым человеком, перед которым хочется открыть душу, как перед родным. — Вообще говоря, никто никогда не пытался... Но допустим... Я проведу вас в суббо-

ту к нам, но рано или поздно Петр Андреевич узнает... Может, и не до конца, но даже намек... Вы понимаете?

— Вас освободят от работы?

— Все может быть.

— Тогда не нужно. Я не хочу, чтобы ради меня вы...

— Я же сказал: может быть. Но может ведь и не быть. Все это в сфере предположений и вероятностей... А вот для вас я могу сделать доброе дело — так это точно.

— Также из неопределенной сферы вероятностей.

— Но ведь вы просите...

— Женский каприз...

— Кроме того, — сказал он, — всегда приятнее подчиняться женщине, чем начальству.

— Алексей Кириллович, что я слышу! Вы — и такие высказываетесь! Или это в предвкушении сороковой субботы?

— Там ничего такого, уверяю вас... Собственно, увидите сами... Рискну и подчинюсь красивой молодой женщине... Но приходите не с утра, а что-нибудь около часа дня... Набьется больше народа, легче затеряться... Будете без меня... Совсем одна...

— Как раз то, к чему я привыкла в последнее время... Благодарю вас, Алексей Кириллович, даже не нахожу слов...

Авторизованный перевод с украинского

Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

Окончание следует.

НА ЩЕДРОЙ ЗЕМЛЕ

Н. КИРИЧЕНКО,
первый секретарь
Крымского обкома
КП Украины

Далеко на юг, в самую густую синь Черного моря выступает Крымский полуостров. И как Курилы и Камчатка первыми встречают новый день нашей Родины, так крымская земля первой в европейской части страны ощущает теплое дыхание весны. И тогда, когда еще не улеглись метели в Средней России, здесь, в степях древней Таврии, уже паруют проталины, и текучее марево полощет размытый далью горизонт. Ранней выдалась весна и в этом, юбилейном году. Еще в середине февраля брызнуло яркое солнце, и степь огласилась дружным рокотом моторов. Так уж повелось у нас в Крыму — дорожить каждым погожим днем. Как бы потом ни сложилась погода, крымчанин знает: то, что посеяно в феврале, даст несомненную прибавку в урожае. К началу марта было посеяно свыше семидесяти тысяч гектаров ранних зерновых колосовых и других культур. Расширили мы с осени и озимый клин. Земледельцы области предполагают заметно поднять во втором году пятилетия производство хлеба.

Решающий фактор в осуществлении всего задуманного — 400-километровый Северо-Крымский канал, водами которого сейчас поливается почти сто восемьдесят тысяч гектаров засушливых земель. Днепровская вода пришла на поля одиннадцати сельских районов области, а всего их четырнадцать. Начато строительство второй очереди канала. В ранее бесплодной окрестности хлебобороны теперь выращивают не по десять пудов с гектара, как было прежде, а по двести пудов пшеницы на круг и по триста — четыреста пудов риса. Рис — этот крымский новосел — за-

нимает сейчас более двадцати тысяч гектаров.

Быстро растут ряды стоцентнерников — мастеров, получающих такие урожаи. Если три-четыре года назад их были единицы, то в 1977 году уже сто восемьдесят шесть кукурузоводческих и двадцать шесть рисоводческих звеньев и бригад взялись преодолеть заветный рубеж. Земледельцы Крыма делают все, чтобы не отстать от друзей по соревнованию — кубанцев, выступивших с инициативой превратить рекордные урожаи в норму.

Труженики крымских сел не забывают и о таких традиционных отраслях, как садоводство, виноградарство, возделывание эфиромасличных культур, табака. В частности, садоводы борются за то, чтобы в ближайшее время довести производство фруктов до одного миллиона тонн в год. Такого обилия плодов крымская земля никогда не знала. А качественно новую ступень поднимается овощеводство. Большая работа — перевод виноградариков на привитую культуру.

Выполнением всех планов встретили годовщину со дня открытия XXV съезда КПСС животноводы области. Колхозы и совхозы увеличили численность коров, овец, свиней, птицы, кроликов. Молока и яиц стало больше по сравнению со среднегодовым показателем за прошлую пятилетку.

Но Крым — это не только развитое сельскохозяйственное производство. Сегодняшний Крым известен в стране и за ее пределами как производитель крупнейшей танкерной и плавучих кранов, добротного оборудования для пищевой промышленности, ценной химической продукции, это крупнейшая рыболовная и рыбоперерабатывающая база. Конечно, промышленное производство меньше всего зависит от сезонности, но весна, радость приближающегося Первомая ощущается и здесь! Тон в соревновании за досрочное выполнение пятилетки задают делегаты XXV съезда КПСС. Замечательный образец творческого отношения к труду демонстрирует делегат партийного съезда, вязальщица Феодосийской чулочной фабрики В. Н. Борисова, которая обязалась выполнить личную пятилетку за три с половиной года. Этой инициативе дал высокую оценку Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Недавно В. Н. Борисова рапортовала о выполнении плана двух лет!

Весна внесла оживление в «индустрию здоровья» — в жизнь крымских курортов. «В нашем обществе производство не противостоит трудящемуся», — говорил на XVI съезде профсоюз Л. И. Брежнев. — Работа о развитии народного хозяйства, о подъеме производства и забота о правах и интересах трудящихся, об условиях их труда и быта — такова двуединая задача профессиональных союзов». Живым олицетворением этих слов служат здравницы Крыма. В прошлом году только по путевкам в санаторно-курортных учреждениях полуострова поправили здоровье миллион двести тысяч трудящихся. А более пяти миллионов человек гостили в Крыму без путевок. В десятом пятилетии сеть санаторно-курортных учреждений увеличится более чем на двадцать тысяч мест.

Радостно, с чувством светлой веры в завтрашний день идут советские люди к замечательному празднику — шестидесятилетию Великого Октября. «Мир, Труд, Май!» — начертано на первомайских знаменах. Эти слова стали символом весны человечества.

Николай БЫКОВ,
фото Бориса КУЗЬМИНА,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты
«ОГОНЬКА»

Крым, словно только что развернувшийся трехпалый лист винограда, протянул зеленую ладонь к солнцу да так и замер, прислушиваясь к звукам весны. Птицы, и дождевые тучи, и радиосводки о полевых работах летели в те дни на север. И только море не считалось с благоприятным ходом светил. Казалось, что оно, еще холодное и по-зимнему темное, не хочет, чтобы утреннее солнце вышло на сушу. — Как в понт пловец способный ветер чрез яры волны прорывает... — ко времени попались строки Михайлы Ломоносова. «Способный ветер» с юга творил чудеса: снег поспешил убраться на высоченную крышу Ай-Петри, мич-даль внизу расцвел, в степи с обновленной силой зазеленела озимь, и вода Днепра в считанные часы прошла сначала первую, потом и вторую насосные станции и, одолев Перекоп, устремилась в Крым. Заработали насосы корневых систем яблонь, персика, винограда, злаков, переживших нелегкую зиму. Значит, и вправду — весна, новая весна. И зеленый лист-полуостров задышал, зажил, радуя буйным цветением. Мы присутствовали на торжественном празднике открытия весны-77, и эти две стройные юбилейные цифры повсюду, как алые вымпелы на длинных древках или как два белых паруса, пронеслись в чистой крымской синеве все тот же «способный ветер».

Открытие весны состоялось в срок, как то и положено любому долгожданному событию. И с новой силой закрутилось солнечное колесо будней в тепличных хозяйствах, в садах, на фермах, в пшеничной степи. Развитие в зеленом мире нынче идет с опережением биологического графика. Агрономы и сеятели перехитрили, кажется, на этот раз грядущий летний сухой, позаботились о севе пораньше, напоили землю, подкормили всходы, подтолкнули в спорный рост пшеничные растения, и вот озимые заметно уходят от возможных невзгод июня, который всегда в Крыму суров и бездожден. Каждое утро — а всякий раз такое нежное, сиреневых тонов, ощутимо быстро нагреваемое утро — колхозные и совхозные автобусы вывозят успевших загореть виноградарей и овощеводов на виноградники и в теплицы. С песней в поле — хорошая примета! Так было в раннее утро и на просторной, морскими ветрами умытой улице центральной усадьбы совхоза «Качинский». А потом мы встретили на винограднике Анну Ильиничну Десятерик. Ловко и быстро работала секатором Анна Ильинична. Проходила ряд за рядом, и трудно было решиться оторвать мастера от дела. Обрезать старую прошлогоднюю лозу нелегко. Рука немеет. Рука нажимает секатор и во сне... В канун Первомая тысячи женщин и мужчин Крыма вышли на обрезку виноградников. Анна Десятерик из «Качинского» — признанный мастер этой тонкой, многотрудной, совершенно обязательной работы. А рассказ об Анне Ильиничне директор совхоза Виктор Захарович Кожаев:

— Десятерик — наша гордость, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени. Член райкома и партии, депутат сельсовета, член нашего парткома, неустанный пропагандист

Вера Никифоровна Борисова с семьей в минуты отдыха.

Совхоз «Качинский». Механик Николай Иванович Сысуев и тракторист Виктор Иванович Ефременко.

НА РАЗВОРОТЕ. ВКЛАДКИ:

Завидная юность! Танцевальная группа народного коллектива художественной самодеятельности совхоза «Виноградный».

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

◀ Праздник труда в совхозе «Виноградный»: воспитатель Надежда Алексеевна Евсеева со своими питомцами.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

красота человеческая

Андрей
ВЯТСКИЙ

Его дипломы, грамоты и свидетельства, газетные вырезки можно не считать, а взвешивать. И, верьте слову, они потянут не один килограмм. Что же в них, в этих грамотах, свидетельствах, заметках? Возьмем наугад... «Почетное свидетельство. Выдано селекционеру К. К. Ермакову с Саратовской городской выставки по охране и приумножению богатств природы. Им демонстрировалось на столах яблок — 236 сортов, груш — 31 сорт, черешни — 17, вишни — 21 сорт, овощных культур — 12, цветов — 70 видов...»

...А вот диплом другой выставки: «...127 сортов яблок, 27 сортов груш. Экспонируемые двухлетней давности фрукты в отличном состоянии».

Кто же он, Константин Константинович Ермаков? Двести сортов яблок — это значит двести яблонь? Тридцать один сорт груш — значит тридцать одно грушевое дерево? Да разве можно их разместить на нынешнем дачном участке? Уж не прихватил ли селекционер к своему законному участку еще гектара два-три? Спешу заверить читателя — не прихватил. Все по закону. А Константин Константинович Ермаков — самоучка, опытник-любитель, человек, которому взрослые и дети пишут такие слова: «Хотел бы на земле оставить такой же добрый и красивый след, как Вы, Константин Константинович!» «Ах, дедушка, если бы мои руки были такими, как у тебя!» «Научите меня вашему колдовству!»

Кудесник, волшебник... Представьте себе: зима, все покрыто снегом, мороз. На деревьях ни одного листика, только большие красные яблоки! Уж не бутафория ли? Не шутник ли какой шутки шутит? Нет, яблоки настоящие. Срывайте, пробуйте. Как и летом, они пах-

нут солнцем. Как и летом, их сок сладок. Просто Ермаков снимает свои поздние сорта при минусовой температуре, как правило, после празднования очередной годовщины Великого Октября. А еще есть у него сорта яблок, которые при самой обыкновенной комнатной температуре два года не теряют своего внешнего вида, не усыхают и не портятся.

Не все верят на слово. Был такой случай. Приехали к Ермакову сотрудники одной опытной станции. Посмотрели его яблоки, понюхали, попробовали. А дело было это в марте, переглянулись загадочно.

— В наших местах такого не бывает. Наверное, купили на базаре?

— И вы сходите, купите, — посоветовал Ермаков.

Вскоре сотрудники опытной станции снова пришли к селекционеру.

— На базаре нет ничего подобного. Неужели сами выращивали? Так когда же у вас вызревает черешня?

— Первого июня.

— А яблоки?

— Девятого июля.

— Сколько же сортов яблок выращиваете?

— Приезжайте в октябре — тысячу покажу. Теперь, к весне, осталось что-то около шестидесяти...

Список сортов свежих яблок урожая 1975 года, составленный в хранилище Ермакова 27 марта 1976 года, не уместился на одной странице. Были тут и «анис розовый полосатый», и «анис бархатный», и «дочь Дианы», и «Ермак», и «кальвиль снежный», и «первенец», и «богатырь», и «Бисмарк», и «Вагнер», и «призовой», и «джонатан», и еще множество сортов, которым еще не были придуманы никакие названия. А груш какие сорта!

Я тоже в апреле держал на ладони полукилограммовое яблоко «народное» и не мог поверить, что снято оно после первых заморозков, а пролежало на подоконнике дома... полтора года! Так и хотелось сказать: да оно только что с дерева! А Константин Константинович и не думал меня разубеждать. Будничным голосом, как о деле самом обычном, говорил глуховато:

— Снимаю его немного недоразвитым в конце октября, после шести градусов мороза. Приезжайте в ноябре, посмотрите на сад.

Я побывал у Ермакова и в середине ноября. Все краски были в его саду: белая, красная, желтая, оранжевая. Все, кроме зеленой. Яблоки висели на ветках без единого листочка. Ермаков грустно сказал:

— А я вот уже тридцать лет вижу только один цвет.

Он не сказал, какой. Ясно было без слов. Константин Константинович слеп.

Фото Г. Розова

...Его родное село — Сулак, есть такое в Саратовской области. В семье было одиннадцать детей. Когда отец уходил в партизаны, чтобы биться с белочехами, мать на ногах висела: «Такую ораву на меня оставляешь! Подумай, что с ними будет...» У отца был свой резон:

«А ты подумай, что будет с ними, если мужики за печью спрячутся?»

Отец работал сапожником. Жили в землянке. В школу ходили через одного. Партизанский отряд Плясункова, в котором воевал Костин отец, скоро превратился в полк, а потом в бригаду 25-й Чапаевской дивизии.

После гражданской учились уже все дети. Вступили в колхоз, из землянки в избу перебрались, пшеничный хлеб появился на столе.

В детстве Костя весной и летом пропадал на огороде. Почти все занято было картошкой. Да две кривые яблоньки в углу. Но почему-то они, эти яблоньки, больше всего и тянули к себе Костю. Неустанно таскал из колодца воду, соорудил стремянку из досок и снимал с листьев гусениц. А когда зацветали яблони, просил соседа поставить в ермаковском огороде хоть один улей.

Братья понемногу разлетались из родного гнезда. Один поехал учиться в военное училище. Другой — в педагогический техникум. Третий — в строительный институт. Константин — в ФЗО, а потом в институт механизации сельского

хозяйства. Стал инженером-механиком. Работал в МТС на Хопре. В 1937 году молодого коммуниста Ермакова назначили заместителем начальника политотдела по комсомолу совхоза имени Ворошилова на Саратовщине. А потом пришла беда: стало слабеть зрение. И больницы, больницы, больницы... Врачи порекомендовали сменить профессию. Он стал преподавать алгебру и геометрию в школе. В первый же день войны пошел в военкомат с заявлением. Военком даже руками развел:

— Константин Константинович, побойтесь бога! Куда вам на войну? Учите ребятишек. Учите детей математике и ненависти к фашизму.

И он учил. Учил в нетопленных классах, в которых ученики сидели в шапках и пальто и дули на руки, в классах, в которых чернила замерзали. Учил математику, начиная первый урок со слов:

— Ребята, без математики не обойдется ни артиллерист, ни летчик, ни танкист. Без математики вам не убить фашиста...

Все меньше оставалось учителей-мужчин в школе. А учебный процесс не останавлишь.

— Константин Константинович, голубчик, беритесь за физику.

Через полмесяца:

— Константин Константинович, выручайте! Возьмите и географию. Еще через месяц:

— Некому вести ботанику! Вы любите природу, берите...

И наконец:

— Константин Константинович, принимайте школу. Всем трудно. Время военное.

Такой нечеловеческой нагрузки при все ухудшающемся зрении организм долго выдержать не мог. И однажды в декабре 1943 года он упал в трех метрах от школы, потеряв сознание. И пришел в себя только в августе сорок четвертого. Полная слепота — вот чем обернулись перегрузки учителя Ермакова. Выписывая инвалида I группы из больницы, врачи напутствовали: «Покой. Свежий воздух. Главное, покой».

Посоветовался Константин Константинович с женой и пошел в райисполком просить участок:

— Разрешите дом построить и сад развести!

Дали двадцать пять соток. Добрые люди помогли поставить домишко. А с садом ничего не получилось: год сажал деревья слепой учитель, другой, третий, а деревья сохли... Зашел как-то старый друг-ботаник:

— Зря надрываешься, Константин. Не земля у тебя, а сплошная соль. Трава — и та не растет.

Ермаков наутро попросил жену позвать соседа-плотника:

— Сбей, Федя, тележку на двух колесах.

Если назвать число перевезенных Ермаковым тележек с черноземом и навозом на свой участок,

не все поверят. Тысяч пять с чернотомом, столько же с навозом, три тысячи — с луговой землей. Три года готовил почву. В дождь и слякоть, в жару и в холодные дни мужчина и женщина возили землю. И ведь не близко. За чернотомом ездили за километр, за навозом еще дальше. На третьем году после войны Ермаков закончил подготовку почвы под сад.

— Ты, Константин, не мучайся. Ты давай саженцы многолетние в землю втыкай. Быстрее плодоносить начнут, — советовали садовники. — На пенсию твою не размахнешься. Будут плоды — живая копейка пойдет!

Константиныч отмалчивался. Саженцы он брал в питомнике двухгодичные. А большую часть деревьев сажал все-таки семечками.

— Или двести лет собираешься жить? — удивлялись практичные люди. — Это когда же ты от них плоды-то увидишь?

Он соглашался, вздыхал, а делал по-своему. Анна Васильевна вечером читала ему книги по садоводству. Когда саженцы стали плодоносить, он заказал через междугородный библиотечный абонемент литературу по прививкам. Это было началом. А сегодня рядом с томами Мичурина стоят книги Симиренко, ученые записки множества сельскохозяйственных институтов. Черенки самых диковинных для саратовской земли плодовых деревьев выписывал Ермаков через Всесоюзный институт растениеводства. А ведь все это требовало денег: и книги и саженцы. Пенсия невелика. Можно бы, конечно, пойти к местным властям, те вряд ли отказали бы в помощи, но Ермаков не пошел.

— Давай, Анна Васильевна, отложим на хлеб, чай, сахар и соль. Проживем. Много ли нам с тобой надо? А остальное — саду. Жена согласилась.

Когда пришла пора плодоношения, кое-кто из соседей Ермаковых завистливо предугадывал: вот окупит Константиныч старания! Такого урожая здесь и не видывали. Верхушки деревьев в тот год до земли клонились, отягощенные яблоками и грушами. За крупными вишнями не видно было листьев. Сливы сизыми облаками повисали над головой.

Но ни разу никто из поселка не увидел Ермаковых на базаре. Константин Константинович с Анной Васильевной пришли в райисполком:

— Хотим излишки фруктов передать детскому дому.

— Вы же инвалид, можете продавать излишки.

Вышли жена с мужем из райисполкома, на пороге ждет внучок — пятиклассник Олежка.

— Ну что, дед, повезем в детский дом? Я уже там рассказал ребятам, что мы их яблоками угостим.

— Повезем, внучек. Обязательно повезем.

...Есть у садовода удивительная книга. Книга человеческой доброты и высокого духа, в ней записано, куда пошли плоды его сада. Около полутора тонн фруктов и ягод каждый год передают Ермаковы безвозмездно в детские учреждения Татищевского района. Десятки тысяч саженцев перекочевали с садового участка Ермаковых на садоводческие участки района. И сад школы-интерната слепых вырос из черенков и саженцев, подаренных Константином Константиновичем.

Наивно было бы думать, что все разворачивалось по столь простой схеме. Было человеку трудно, очень... Но вот он нашел себя и занялся садоводством.

Помогли упорство, трудолюбие, одержимость. Сегодня сад Константина Константиновича Ермакова — место паломничества садоводов не только Саратовской области. Слава о чудодее бежит по всему Поволжью. К нему приезжают за черенками, саженцами, семенами, советами. Проявили и в Саратове заинтересованность опытами селекционера-самоучки. Еще бы! Вырастить 800-граммовые яблоки, которые к тому же могут храниться по три года, выводить морозостойчивые сорта яблок, которые висят на деревьях до снега, — такое дано не каждому. Решено было выделить Ермакову в помощь научного сотрудника. Предусматривалось и издание его книги. Но пока все «обобщения», записи делает внук Олежка. Еще учеником второго класса он под диктовку деда, поделившегося мысленно сад на клетки, записывал, где что растет.

Потом записи усложнились, они касались прививок. Надо сказать, что Ермаков не признает иного вида борьбы с вредителями, кроме биологического. Его сад не знает, что такое ядохимикаты. И опыление он признает только свободное, естественное.

...По утрам жители Курдюма привыкли наблюдать такую картину. Открываются ворота ермаковского двора. Но вместо автомобиля, как у большинства местных домовладельцев, на улицу выезжает зеленая тележка. Та самая, на которой когда-то Константин Константинович возил на свой участок чернотом и луговую землю. А сейчас на ней корзины с яблоками, грушами, сливами.

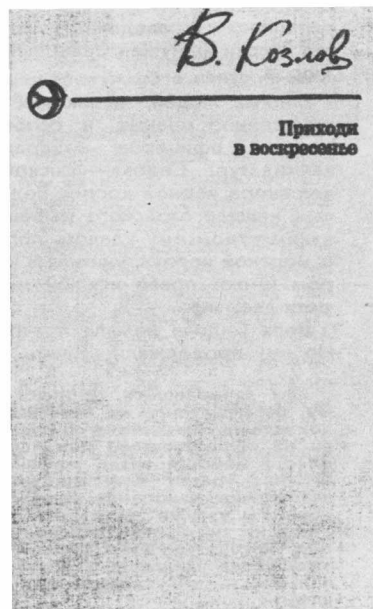
Три километра от станции Курдюм до татищевских детдомов, а транспорт детдомовцев — старенькая машина, не всегда успевает заехать за фруктами к Ермаковым. И чаще всего дед и внук сами отвозят ребятам дары своего сада.

Есть в записной книжке Олега особый раздел, в котором записаны только даты и имена. Это дни рождения ребят из детдомов и школы-интерната. Это значит, к этим дням надо будет отвезти в Татищево розы или другие цветы. Ну, а если кому-то выпало родиться осенью или зимой, все равно и те получат свой подарок. Это будет корзиночка чудесных яблок «улыбка осени», выведенных Ермаковым.

Я возвращался со станции Курдюм полный впечатлений и разбуженных мыслей. Делает человек вроде бы незаметное добровольное дело. Украшает землю и общается к этому украшению других. Хотите яблоко на снегу? Хотите гладиолус невиданного цвета? Хотите увидеть, какое чудо с садом может сделать коробочка божьих коровок, принесенных с цветущего луга? Знаете ли, что они куда более могущественны, чем ДДТ? А вот еще помощники человека — муравьи!

Вот и вся агитация. А сагитированных и пропагандированных у Ермакова многие тысячи людей, главным образом школьного возраста. Им уже не надо напоминать о необходимости дружить с природой. Вот к чему сводится наука Константина Константиновича Ермакова.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Вильям Козлов известен как автор увлекательных произведений для подростков. Повесть «Президент Каменного острова» стала любимой книгой школьников: каждое издание (а их было уже семь) расходуется мгновенно.

К сожалению, критика не обратила достаточного внимания на романы и повести В. Козлова, написанные для взрослых. А между тем в них не только проявился своеобразный талант писателя, но и достаточно ярко обнаружилось некоторые общие особенности современной русской прозы. Интерес автора к нравственной проблематике, к вопросам формирования личности, раздумья над острыми социальными коллизиями нашего времени присущи его романам «Солнце на стене», «Три версты с гаком», «Роман без названия».

Новый роман В. Козлова «Приходи в воскресенье» начинается словами главного героя — молодого талантливого директора крупного завода Максима Бобцова: «Я всегда восхищался людьми, которые ясно видели свою главную цель в жизни, шли к этой цели и в конце концов добивались своего». В этой фразе выражена и заветная мысль самого автора. Он любит людей целевых, упорных и дерзких, восхищается ими и никогда не скрывает своих симпатий к ним. Так же, как и своей ненависти к людям с «двойным дном», приспособленцам и трусам. Здесь, пожалуй, скрыта одна из важных особенностей нравственной позиции писателя, рождающая и своеобразие его творческой манеры.

С точки зрения внешнего движения сюжета «Приходи в воскресенье» — роман производственный. Главный его конфликт разворачивается на только что созданном заводе, изготавливающем конструкции домов для села. В налаженный процесс производства стандартных домов врывается творческая мысль молодого инженера Любомудрова, которая постепенно захватывает передовых рабочих и руководителей, в том числе и директора Бобцова, и парторга завода Тропинина, и второго

секретаря райкома Бутафорова. Вместо штамповки унылых и мрачных строений Любомудров предлагает проект красивых, удобных зданий, сочетающих массовость изготовления и индивидуальную неповторимость каждого дома. Напряженная, упорная борьба вокруг осуществления нового проекта обусловила главный и побочные конфликты романа. Автор не упрощает их, не сводит их к набившим оскомину столкновениям передовых с консерваторами, но вскрывает и действительную сложность и трудность положения, когда реализация нового сопряжена с известными потерями, издержками (приостановление производственного процесса, перестройка его и т. п.).

Однако писателя и читателя волнуют не сами по себе производственные проблемы, а характеры людей, обнаруживающиеся в этой борьбе нового и старого, в столкновении формального благополучия и подлинной заботы не просто о качестве продукции, но и о людях, которым она предназначена. Не случайно в заглавие романа вынесена идея, казалось бы, сугубо личная, связанная с трагической любовной историей. В. Козлов сумел раскрыть «деловые» взаимоотношения между людьми в сложном переплетении личного и общего, не скрывая при этом противоречивых качеств своих героев. Вот почему ему удалось создать интересные образы современников — людей ищущих и смелых. Таковы Бобцов и Любомудров, Тропинин и крановщица Юлия Родионова, председатель колхоза «Рассвет» Васин и другие.

Затрагивая острые проблемы нашей жизни, которыми живут герои романа (руководители и руководимые, цивилизация и природа, доверие к человеку и повышенная требовательность к нему, взаимоотношение поколений), автор нигде не впадает в крайности, находит пути их верного разрешения, оттого и образы современников лишены ходульности и предвзятости.

Избрав довольно трудную форму открыто «субъективного» повествования — рассказ от лица центрального героя, правда, очень близкого и дорогого автору, — В. Козлов сумел достаточно полно и объективно обрисовать характеры. Этому не помешали даже часто открыто и резко выраженные личные оценки рассказчика. Писатель хорошо владеет психологической деталью, мастерством внутреннего монолога, и это помогает, как правило, точно передавать общее через частное, конкретное. Хотя порой, особенно в начале романа, он проявляет поспешность, пользуясь близлежащими словами и выражениями, стиль повествования в целом очень организован внутреннему миру героев и прежде всего рассказчика. При всей простоте и непритязательности этот стиль не прост, избран продуманно и обоснованно: он сочетает деловитость и открытость взгляда на мир, лиричность и прямую публицистику, тонкую иронию и подтекст. Даже пейзажные зарисовки отмечены легким прикосновением лирико-иронического взгляда повествователя: «Холодный северный ветер высушил асфальт и пытался заморозить желтые лужи. Покрывать их льдом не удалось, но по краям плавали тоненькие, слюдянистые поблескивающие пленки».

Роман «Приходи в воскресенье», пожалуй, наиболее зрелая и смелая книга Вильяма Козлова, одна из интересных книг о наших современниках — людях труда и творческих поисков.

Вильям Козлов. Приходи в воскресенье. М., «Современник», 1976, 368 стр.

П. ВЫХОДЦЕВ

Ленинград.

ВО СЛАВУ ОТЕЧЕ

Девятого марта 1912 года на имя начальника Главного гидрографического управления был подан рапорт. В нем говорилось:

«Многие из путешественников плавали... для открытия Северного полюса, чтоб разрешить мировую загадку... Опасности не остановили смелых: человеческий ум до того поглощен великой задачей, что разрешение ее сделалось сплошным состязанием для всех наций. В этом состязании участвовали все государства, даже сухопутная Австрия; не было только России. Горько и обидно!

Амундсен хочет идти к северу в 1913 году. А мы можем пойти уже в этом году... и докажем всему миру, что русские способны на этот подвиг... Русский народ должен принести на это национальное святое дело небольшие деньги, а я приношу мою жизнь».

И подпись: капитан Георгий Седов.

Известие о будущем походе газеты встретили недоброжелательно: «В высших морских сферах весьма отрицательно относятся к

седовской экспедиции...» «Морской министр высказывает тот совершенно справедливый взгляд, что России не нужен Северный полюс...»

Многих людей, делающих общественное мнение, и особенно морских офицеров, раздражала кандидатура Седова—«выскочки», «офицера черной кости». Ведь он сын нищего азовского рыбака. И каким чудом ему удалось попасть в морской корпус, учиться в котором имеют право исключительно дети дворян?

Воля Седова ломала преграды. Но ему продолжали мешать.

«Ты собираешься, вопреки всему, добыть денег на заветное дело, ждешь сочувствия и надеешься на общественную подписку. И вместо помощи везде встречаешь штыки. Травит большинство газет; в твоё дело вмешалась полиция. Ты уже не хозяин его! Победишь не ты, а политическое течение, которое сумеет лучше обработать твоё дело в собственную пользу» — так писал Седов в середине июня.

И все же, несмотря на бесконечные препятствия, в конце августа 1912 года «Святой великомученик Фока» начал свое легендарное путешествие.

Глядя на отправление не в меру тихоходного корабля, собравшиеся на пристани зеваки кричали:

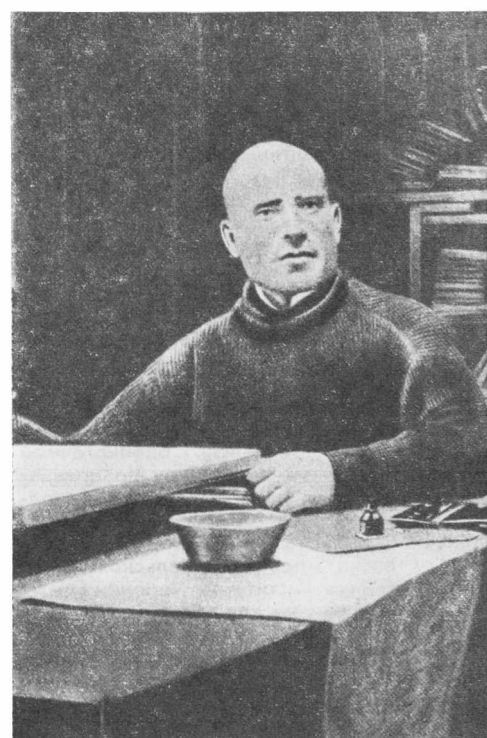
— Им не к полюсу идти, а в полагунях из-за Двины молоко возить!

— Не довезут! Прокиснет, пока корабль до берега дойдет...

Седов планировал встать на зимовку на Земле Франца-Иосифа. Но на полпути к ней уже через месяц с начала плавания «Фока», затертый льдами, был вынужден остановиться. Десять месяцев ледового плена прошли в постоянных научных исследованиях. Выяснилось, что очертания северной части Новой Земли совсем не таковы, какими они показаны на существующих картах.

С полным правом первооткрывателя Седов раздавал названия неизвестным ранее мысам, ледникам, островам, заливам. Ледник, около которого Седов едва не погиб, он назвал именем жены Веры. Дорого давалось каждое открытие в этом пресуровейшем крае.

Еще в начале зимовки обнаружилось, что большая часть ездовых собак, купленных в Архангельске, никуда не годится. Не приспособленные к холоду, три

Аполлинурия Прокофьевна Суслова, 1860-е годы.
[Публикуется впервые].

ДРУГ ВЕЧ

«...Я не знаю твоей жизни за последний год и что было в твоём сердце, но судя по всему, что о тебе знаю, тебе трудно быть счастливой.

О милая, я не к дешёвому необходимому счастью приглашаю тебя. Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность, но ведь я знаю, что сердце твоё не может не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или бесконечно сияющими, или тотчас же подлецами и пошляками... До свидания, друг вечный».

Это слова из прощального письма Ф. М. Достоевского Аполлинурии Прокофьевне Сусловой от 5 мая 1867 года. Судьба этой женщины сплелась с трагической судьбой Достоевского. Дочь Федора Михайловича, и многие исследователи согласны с ней, писала, что Сусловой близок образ Полины (из «Игрока») и что черты ее можно увидеть и в характере Настасьи Филипповны в «Идиоте». И хотя вопрос о прототипах — один из сложнейших в литературоведении, несомненно, что А. П. Суслова сыграла в жизни и творческой судьбе Ф. М. Достоевского огромную роль.

Мы впервые публикуем ее портрет, хранившийся ранее в архиве племянника Аполлинурии Прокофьевны — писателя Е. П. Иванова.

А. П. Суслова родилась в 1840 году в семье крепостного графа Шереметьева (ее отец был незаконным сыном одного из Шереметьевых). В шестидесятые годы она жила в Петербурге. Ее увлекали новые идеи, передовые политические взгляды своего времени. Полина Суслова была в числе тех первых русских женщин, кто посещал публичные лекции в университете, литературные чтения и вечера. Сусловой занимали вопросы женской эмансипации, она была сторонницей «хождения в народ». Вместе с сестрой Надеждой, ставшей первой русской женщиной-врачом, Полина выступала за организацию медицинской помощи в деревне, за создание народных школ.

С Федором Михайловичем Достоевским Суслова, видимо, познакомилась в 1861 году, когда принесла в редакцию журнала «Время», который Федор Михайлович редактировал вместе с братом Михаилом Михайловичем, свой первый рассказ «Понуда». Он был опубликован в том же номере, где печатались и начальные главы «Униженных и оскорбленных».

Достоевский — это «первая моя любовь», — пишет Суслова в своем дневнике. Ей было тогда двадцать два года, Достоевскому — сорок.

Очевидно, любить Достоевского было нелегко: сказывались перенесенные писателем душевные страдания, его необузданные страсти. В письме к Федору Михайловичу брат Михаил напишет: «Не понимаю, как можно играть, путешествуя с женщиной, которую любишь». Со своей стороны, Достоевский не принимал того, как Аполлинурия Прокофьевна «жестко» восставала против всего, что считала недостатком или слабостью...». Происходили столкновения, примирения и снова столкновения.

СТВА

четверти из них погибли в течение зимы.

Едва появилась возможность, Седов решил послать на юг шлюпку, которая отвезет копии всех выполненных работ. Но главное — сообщит о бедственном положении экспедиции. В комитете должны знать, что «Фока» закован льдами на полпути к Земле Франца-Иосифа и что ему необходима помощь — посылка судна с собаками и углем, запасов которого у седовцев оставалось совсем немного.

Письма Седова попали в Петербург лишь в конце арктической навигации, когда послать уголь и собак было уже поздно. Впрочем, даже если бы письма пришли вовремя, вряд ли Седов получил помощь.

Очень немногие интересовались экспедицией. Большинство считали затею абсурдной. Между тем Фридрих Нансен, ознакомившись с доставленными материалами, сказал: «Если бы даже Седову и не удалось достичь... полюса, то и в таком случае собранный им научный материал достаточен, чтобы считать результаты экспедиции очень и очень полезными».

Простояв год во льдах, только

в сентябре 1913 года «Фока» смог двинуться дальше на север. Но чем выше широты, тем все плотней собирались льды вокруг корабля. В поисках прохода между ними истрачено последнее топливо. Уже режут на дрова баню. Ее не хватило и на трое суток. Все чаще и чаще льдины смерзаются в единое поле, пряча открытую воду. От полыньи к полынье, оставаясь на льду измочаленные щепы от обшивки, с трудом вырывался «Фока» из одного канала, чтобы застрять в другом...

Пошел второй год путешествия, а до полюса было почти так же далеко, как и вначале. На вторую зимовку встали в бухточке острова Гукера. Это уже была долгожданная Земля Франца-Иосифа. Но впереди — зимовка без топлива. Горючего нет не только на обратный путь, но и на отопление жилья. А морозы здесь достигают пятидесяти градусов. Все хорошо знали, что их ждет. Но за прошедший год люди научились многому, а главное — Седов приучил всех никогда не сдаваться...

Из дневника художника и фотографа экспедиции Николая Васильевича Пинегина:

1 января 1914 г. Болезни на «Фоксе» усиливаются... Десны Седова кровоточат, появились признаки цинги; распухли ноги, одышка, сонливость и слабость. Вполне здоровых на судне только семь человек... Распределив работу, лежавшую на больных, подбадриваем друг друга.

13 января. Моя каюта во льду. Могучий «ледник» на койке достиг высоты полуметра... Температура в каютах по ночам опускается до -6°, бывает и ниже.

4 февраля. Продолжаются силь-

ные холода... при сильном ветре. Здоровье Седова по-прежнему плохое...

Неистощимый рассказчик, выдумщик анекдотов, кумир команды, бесстрашный охотник, всегда бодрый, даже к работе подступавший не иначе, как с шуткой, Седов выглядел теперь другим.

Будь Седов здоров, как в прошлом году, с такими молодцами, как Линник и Пустошный... он мог бы достичь большой широты. Седов — фанатик достижений, настойчив беспримерно... Планы его всегда рассчитаны на подвиг. Но для подвига нужны силы... До похода пять дней, а Седов то встает, то опять в постели... Но в решение Седова никто не может вмешаться. Существует нечто, организовавшее наше предприятие. Это нечто — воля Седова.

15 февраля 1914 года, расставаясь с командой, Седов говорил:

— Мы начинаем первую попытку русских достичь Северного полюса. Об этом деле мечтали уже давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие. На долю же нас, маленьких людей, выпала большая честь осуществить их мечту... на пользу и гордость нашего дорогого отечества. Сегодня для нас и для России великий день. Но разве с таким снаряжением нужно идти к полюсу? ...Вместо восьмидесяти собак у нас двадцать четыре, одежда износилась, провиант истощен... Но свой долг мы исполним. Наша цель — достижение полюса, все возможное для осуществления ее будет сделано.

Через три недели Седов погиб в тысяче километров от полюса...

Дальнейшая судьба экспедиции показала, насколько Седов сумел воспитать весь коллектив. В ожидании лета все научные работы

решили продолжать в полном объеме. К чести нового начальника по научной части В. Ю. Визе, экспедиция сделала действительно все, что могла.

Возвращались совсем без топлива. В борьбе со льдами пришлось поломать все каюты и сжечь их в топках вместе с мебелью. Спали на голой палубе.

Весть о возвращении седовской экспедиции затерялась в газетах среди донесений с фронтов мировой войны. Появились две-три телеграммы с кратким пересказом трагедии, случившейся на Севере. Только и всего. Седов был забыт.

Лишь морской министр Григорович «пожалел» Седова:

— Жаль, что не вернулся этот прохвост, — я бы отдал его под суд за просроченный отпуск.

Имущество и промысловая добыча «Святого великомученика Фоки» были проданы с аукциона, чтобы покрыть иск поставщиков экспедиции. Палатку, в которой умер Седов, за гроши купил для фартака какой-то мясник.

После революции имя Седова было присвоено многим местностям в Арктике. Кривая Коса, где родился знаменитый полярник и где в полной нищете умерли его родители, переименована в поселок Седово. Всемирно известный ледокол, дрейфовавший в 1937—1940 годах в полярных льдах, носил имя Седова. Сегодня эстафету научных исследований принял новый мощный ледокол — «Георгий Седов».

Это имя никогда не будет забыто.

С. ВЛАСОВ

НЫ Й

Достоевский неоднократно делает ей предложение, но Суслова ему отказывает. Как-то однажды Достоевский сказал про Аполлинарию Прокофьевну: «Мне жаль ее, потому что предвижу, она вечно будет несчастна».

В 1865 году за Аполлинарией Прокофьевной и ее братом Василием, работавшим судебным следователем, был установлен негласный полицейский надзор. В 1866 году Суслова приехала к брату в Тамбов, где оба подверглись обыску: они обвинялись в распространении прокламаций.

Мысль бороться за право получить образование наравне с мужчинами не покидала Аполлинарию Прокофьевну. В 1868 году она сдала при Московском университете экзамен на звание учительницы и затем открыла в Иваново-Вознесенске школу-интернат. Но по распоряжению министра народного просвещения графа Толстого школа была закрыта.

В 1872 году Суслова посещает в Москве Высшие женские курсы историка Владимира Ивановича Герье. Она по-прежнему пишет рассказы, занимается переводами. В начале восьмидесятых годов Суслова вышла замуж за писателя В. В. Розанова.

Е. П. Иванов неоднократно рассказывал, что Аполлинария Прокофьевна показывала ему пачку неопубликованных писем Достоевского. Где письма находятся ныне, неизвестно. Может, были переданы огню, как свидетели тех сторон ее отношений с Достоевским, которые Аполлинария Прокофьевна не хотела обнародовать. У Сусловой была воспитанница, приемная дочь Саша — попали ли письма к ней или были переданы сестре Надежде Прокофьевне? Все это требует дальнейших исследований и поисков.

Зинаида МИЛЮТИНА

книжные редкости

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ

«Стихотворения Дениса Давыдова. Москва. Типография Августа Семена при императорской Медико-хирургической академии. 1832». Первое и единственное прижизненное издание стихотворений Дениса Давыдова.

Издание редчайшее. Особенно волнует тот факт, что в личной библиотеке А. С. Пушкина и сейчас хранятся два экземпляра книги Д. Давыдова.

Этот же экземпляр «Стихотворений» — единственный в своем роде. На титульном листе вы видите портрет Дениса Давыдова, нарисованный пером, орешковыми чернилами. Рукой неизвестного и портрету сделана надпись (она на авантитуле): «В новом изда-

Описываемый экземпляр находится в знаменитой библиотеке профессора Ивана Никаноровича Розанова, подаренной его вдовой Ксенией Александровной Марцишевской Музею Пушкина в Москве.

нии 1840 года не все пропущено, что в этом есть. Портрет, созданный здесь Мясоедовым, очень похож: он сделан таким, каким мы его видели в Новоград-Волынской в 1831 году».

Сколько загадок таит эта надпись! Кто такой Мясоедов? Кто безымянный автор надписи?

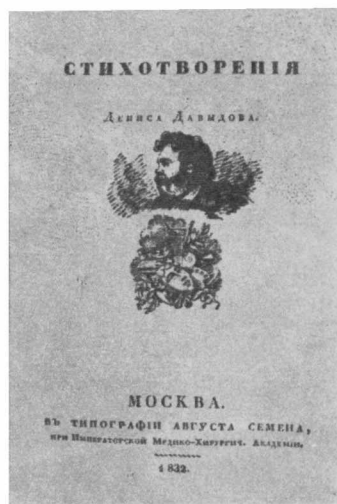
Первая загадка — Мясоедов. Сверкнуло: не лицеист ли первого пушкинского выпуска, тот, что 15 октября 1836 года в честь 25-летия лица устроил в Петербурге пышный обед? На нем присутствовал Пушкин. Павел Николаевич Мясоедов, в прошлом гусар, мог знать Давыдова и как однополчанина. И хотя в 1831 году П. Н. Мясоедов военным не был, как человек экспансивный он мог напиться в бывший свой полк, Гродненский гусарский. Вернее всего, портрет нарисован именно им, Павлом Николаевичем Мясоедовым: во времена Пушкина рисовать учили хорошо.

Но кто же был автором надписи к портрету?

На обороте верхней крышки переплета сохранился маленький ярлык, приклеенный владельцем книги: «Дм. Вас. Познанского, полка II». Сравниваю ярлык и надпись к портрету: разные почерки и, видимо, разное время. Но не был ли владелец книги родственником автора надписи? Не Юрий ли Игнатьевич Познанский набросал ее карандашом, офицер генерального штаба, литератор, первый переводчик на русский Адама Мицкевича, сотрудник «Московского вестника», «Подснежника» и других изданий. Юрий Игнатьевич знает Дениса Давыдова мог и как военный и как литератор. Пушкина он знал тоже.

И вот — нет большего счастья для искателя — догадка подтвердилась. Владелец книги Дмитрий Васильевич Познанский — родной внук Юрия Игнатьевича. Книгу он унаследовал от деда.

28 января 1836 года Ю. И. Познанский присутствовал на обеде в Петербурге, устроен-

ном литератором В. И. Карлгофом и его женой Елизаветой Алексеевной. Там были А. С. Пушкин, И. А. Крылов, Денис Давыдов, В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, Ю. И. Познанский, Нестор Кукольник...

В продолжение обеда внимание хозяйки было устремлено на Пушкина, который сидел против нее. В своих воспоминаниях она написала о Пушкине:

«Нельзя было представить себе физиономии более выразительной, более оживленной, более говорливой и слышать более приятного, более гармонического голоса, как будто точно созданного для его стихов... Много толковали о мнимом открытии обитаемости луны... Пушкин доказывал нелепость этой выдумки...»

Так надпись к портрету Дениса Давыдова привела нас на далекий-далекый литературный обед, где присутствовал Пушкин.

Сусанна ЭНГЕЛЬ

И. ГАВРИЛОВ

Фото автора

Репортаж
из двух московских школ

3

вонок распахнул двери классов, и безмолвный школьный коридор наполнился шумом и движением.

Перемена! Твой язык понятен всем школьникам. И совсем не удивительно, что дети, приехавшие из разных стран мира и познакомившиеся здесь, в советской школе, так хорошо понимают друг друга. Веселью, дружбе, детству переводчики не нужны.

— Я уже научился писать много русских слов! — радуется Деан Илибашич из Югославии. — И еще мне сегодня Людмила Михайловна пятерку поставила: я половину стихотворения выучил.

Почему же не все?

— Времени не хватило. Мы с ребятами во дворе долго играли, а потом я устал.

— А я никогда не устаю, — говорит Эрика Шомлан из Венгрии, — даже мама удивляется. Я записалась во все школьные кружки, и у меня всегда очень много дел. Но я успеваю. Многие удивляются, зачем хожу во все кружки сразу, а я не виновата: везде интересно. Я ведь еще не знаю, кем быть, — хочу выбрать.

Почти каждый день Эрику можно увидеть в школе после уроков — значит, хорошо ей здесь, как дома.

Беатриче Дзонелли тоже вполне освоилась в новой школе. Беатриче приехала в Советский Союз лишь год назад, но уже свободно говорит по-русски: со стороны и не подумаешь, что она итальянка.

— Как я сумела так быстро выучить русский? Да он сам «выучился»: одноклассники и учителя всюду со мной, все объясняют. Я ребятам про Италию рассказываю, учу их итальянским словам. Когда они ко мне в гости приходят, пою им под гитару наши песни. Мы крепко подружились, а для меня это самое важное: когда вокруг друзья, не так тоскуешь по дому.

А вот болгарин Светлозар Тенов из 10-го «Б» скучает по своей старой школе. Он проучился в Софии восемь лет, оставил там много друзей, с которыми переписывается и очень хочет увидеться снова. Скоро Светлозар поедет на родину, отслужит в армии, потом поступит в институт и опять будет писать много писем. Теперь уже в Москву, своим советским друзьям, которых у него здесь тоже немало.

...Но как быстро бегут стрелки часов в перемену!

Снова урок. Первоклашки-иностранцы напряженно водят пальчиками по русскому букварю, повторяя за учителем новые и пока малопонятные слова. Трудно... Но они не хотят отставать от своих русских одноклассников. Постепенно постигают тайны языка, который будет для ребят главным во время учебы. Есть еще ошибки в произношении, путаница в ударениях, не всегда правильно написаны необычные для них буквы. Но это не страшно для первоклашек: еще научатся.

ПЯТЕР

Итальянка Беатриче Дзонелли и Ира Урецкая готовят пирог на школьном конкурсе кулинаров.

Деан Илибашич из Югославии весь внимание.

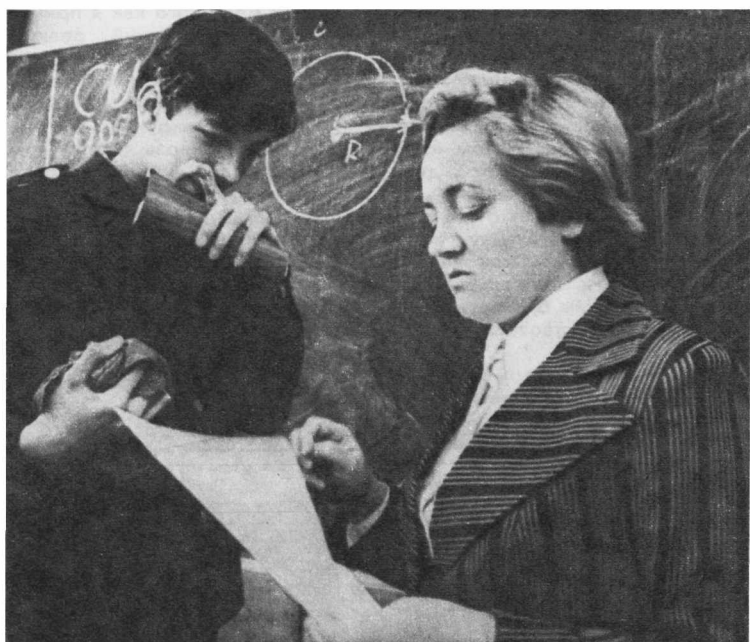

Первоклассники 5-й школы учатся писать очень нужное слово — «МИР».

КА ПО РУССКОМУ

«Правильно ли я решил задачу!...» — сомневается болгарин Тодор Лютибродски.

«Паровозик» — любимая игра малышей из 31-й школы.

РАССКАЗ

Они долго меня не замечали. Я стоял одиноко на подоконнике двадцать пятого этажа небоскреба в центре большого, шумного города. Я находился так высоко, что едва различал людей, ползающих внизу, словно муравьи, и вытянувшуюся, как змея, вереницу автомашин.

У меня закружилась голова. Стало страшно от одной мысли, что ожидает меня там, внизу, в каменном лабиринте, куда редко пробиваются лучи солнца, а висящий пеленой смог от выхлопных газов безжалостно убивает все живое, тянущееся к свету жизни.

Вдруг один из них, запрокинув голову вверх, увидел меня, помахал рукой, как будто бы приглашая спуститься вниз. Толпа людей все

коротки, что не могли дотянуться до двадцать пятого этажа.

— Эй, дружище! Что ты делаешь? Разве можно таким путем решать свои жизненные проблемы!— Голова полицейского показалась из окна, расположенного от меня не более чем в двадцати шагах. Его голос прозвучал неожиданно. Я не слышал, как он открыл окно, и увидел только, когда раздался его громкий голос.

— Сэр, благодарю за внимание. Но где вы были раньше? Когда-нибудь вы стояли безнадежно в очереди на бирже труда? Жили на подавания по безработице? Вы знаете, что это такое, когда нечем платить за жилье, за больницу? Ходить впроголодь? Нет, сэр, вы этого не испытали!

— Держись, старина, не двигайся, а то сорвешься вниз и разобьешься,— умолял блюститель порядка.

— Не беспокойтесь. Я знаю, что делаю.

Полицейский на миг заколебался, но потом решительно взобрался на подоконник и погрозил мне резиновой дубинкой.

— Это самоубийство. И что бы там ни было, ты не должен этого делать.

Он старался отговорить меня от рокового шага в моей жизни. Умолял, чтобы я спустился вниз подобру-поздорову.

Но он напрасно терял время. У меня не было другого выхода. Там внизу уже собралась огромная толпа людей, которая ждала увидеть новую сенсацию, а вернее — очередную человеческую жертву. Мне показалось, что они

ми,— огорченно проговорил он.— Работаю в полиции более тридцати лет, но такого еще не было. Тогда люди были добрее, помогали друг другу. А что теперь? Что могло случиться? Просто невероятно. Зачем им нужна чужая смерть? В прошлом году то же самое было и с молодой девушкой. Отчаявшись, она взобралась на крышу высотного дома и бросилась вниз головой, разбилась насмерть. Тогда была такая же толпа людей, как и сегодня. Они также рычали и требовали ее смерти. Бедняга не выдержала и бросилась вниз под дикий рев толпы.

Полицейский посмотрел мне прямо в глаза и со злобой продолжал:

— И сейчас они рычат как звери и требуют, чтобы ты прыгнул и удовлетворил их жажду смерти. Неужели ты это сделаешь? Остановись!

Толпа людей все больше увеличивалась, грозно наступая на полицейский кордон.

— Моя толпа больше, чем была у того бедняги?

Мой вопрос удивил полицейского. Он посмотрел вниз и ответил:

— Почти такая же, как и тогда. И что интересно, все те же люди и в то же время, когда офисы опустели и толпы клерков заполнили Уолл-стрит.

— Сэр, вы действительно хотите мне помочь?

Блюститель порядка удивленно посмотрел на меня.

— Я не совсем понимаю. Что ты имеешь в виду?

Я усмехнулся и пожал плечами.

— Вы же сами рассказали мне, что произошло здесь до этого. Разве нет смысла, чтобы все это повторилось?

Полицейский на минуту задумался.

— Не знаю. Я должен посоветоваться.

Он мигом скрылся в глубине помещения, с кем-то поговорил и снова появился в окне. Он помахал мне рукой в знак согласия.

— Подожди немного. Я только объявлю по радио и дам знать телевидению.

— Хорошо. Мне спешить некуда.

Когда все было объявлено по радио, операторы и репортеры направили на меня телекамеры и фотоаппараты, а полицейский кордон отступил, я отчетливо услышал крики возбужденной толпы. Они требовали, чтобы я немедленно прыгал. И для чего им нужна была моя смерть? Никто из них меня не знал. Даже имя мое неизвестно. Я ничего плохого им не сделал. Они не знали, чем я занимался до этого, как существовал, есть ли у меня семья. А в сущности, какое им до этого дело? Они только ждали очередной сенсации. Жаждали моей смерти. И если бы на моем месте был кто-то другой, такой же обездоленный, как и я, то они требовали бы и его смерти. Таким мог быть каждый, даже...

— О'кей, дружище! В последний раз спрашиваю: может быть, ты спустишься вниз и не будешь делать глупостей?

Я медленно продвигался по выступу стены в направлении вытянутых ко мне рук полицейского. И когда я почти приблизился к нему, возбужденная толпа людей громко заревела, выражая свое недовольство.

Ветер снова утих, и я отчетливо услышал их крики:

— Какого черта!

— Прыгай!

— Бродяга!

— Прыгай, паршивый трус!

По мере того как я приближался к окну, где стоял полицейский, реакция возбужденной толпы все больше нарастала. Теперь как по команде они скандировали:

— Прыгай! Прыгай! Прыгай!

У меня закружилась голова, потемнело в глазах, и сквозь пелену тумана собравшаяся внизу толпа людей превратилась в расплывчатую серую массу.

Я не выдержал и камнем бросился вниз под дикий рев.

Полицейский кордон отступил, толпа безумных людей лавиной бросилась к небоскребу, оставив на мостовой небольшое свободное место для меня.

— Bravo! Bravo! Он все же бросился вниз! Шире круг! Шире!...

ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР!

больше разрасталась. Они привыкли к сенсациям, ждали с нетерпением, неистовствовали и если бы этого не случилось, то сожалели бы о потерянном времени.

С замиранием сердца смотрел я на эту пеструю толпу и думал, что каждый из них мог бы оказаться на моем месте. Я хорошо видел, как они бурно реагировали на каждое мое движение.

Одни подбадривали громкими криками, другие покачивали головами, покручивая у виска пальцем. Для тех и других я казался не более как клоуном в цирке.

Но были и такие, которые, запрокинув головы вверх, стояли, как застывшие статуи, пристально всматриваясь в меня, с нетерпением ожидая того лакомого момента, которым наслаждается мужская часть общества на очередном сеансе стриптиза. И только единицы, с сожалением посмотрев на меня, отворачивались в сторону и подальше отходили от бурлящей толпы людей, жадных до сенсаций большого, шумного города. Они уходили, боясь, что я выброшусь из окна небоскреба и обрызгаю их кровью. Это были люди, о которых часто говорил: «Добрые, лояльные граждане». Подобное «цирковое» представление вызывало у них отвращение.

Среди толпы я заметил нескольких религиозных фанатиков в черных сутанах. Они стояли на коленях и молились. Интересно было знать, верят ли они в «загробную жизнь» и дойдут ли их молитвы до меня, чтобы я не совершил того, на что решился. И если я брошусь камнем вниз и разобьюсь о мостовую, то поколеблет ли это их религиозный фанатизм, слепую веру в бога?

О, наконец! Появилась полиция. Я уже начал сомневаться, не забыла ли она меня. Пожарная команда тоже была на месте. Но я не боялся ее, пожарные лестницы были настолько

скандируют хором, но из-за сильного ветра я не мог расслышать, чего они требовали от меня.

В окне снова показался полицейский. Указывая жестом на толпу людей, собравшихся около небоскреба, он спросил:

— Ты знаешь, что они кричат?

На мое молчание он ответил:

— Они требуют, чтобы ты немедленно прыгал. Они хотят твоей смерти. Надеюсь, ты не доставишь им этого удовольствия? Остановись! Не сходи с ума!

И когда я снова промолчал, блюститель порядка со злостью сказал:

— Они привыкли к сенсациям, убийствам и насилию. Это возбуждает в них звериный инстинкт и желание быстрее расправиться с невинной жертвой. Ты читал в газетах, что не так давно кто-то выбросился из окна этого же небоскреба и разбилась насмерть? Наверное, прочитал и подумал: «Почему это был не я?» И тогда ты решил броситься вниз головой, как тот бедняга на этом же самом месте. Послушай! Люди, жаждущие твоей смерти, не стоят того, что ты хочешь сделать для них. Остановись! Я так же убежден и того беднягу, но он не послушал меня. И они добились своего. Тогда не было такого сильного ветра, как сегодня, и он хорошо слышал их. Потом что-то крикнул и бросился вниз головой под дикий рев толпы. Это было что-то страшное. Они были в ярости, когда услышали, что мы отговаривали его от рокового шага. Двух наших людей сбили с ног, а санитар «Скорой помощи» избил до полусмерти. Может быть, тот бедняга, который разбился, был сумасшедшим, но те внизу так безумствовали, что невозможно было их остановить.

Полицейский снял с головы форменную фуражку и ладонью вытер вспотевший лоб.

— Не могу понять, что случилось с людь-

Перевод Вл. ГОЛОВЧАНСКОГО

А. Полюшенко. Род. 1911. МАЙ. 1975.

Б. Шаманов. Род. 1931. БЕЛАЯ НОЧЬ. ЧЕРЕМУХА. 1972.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДАРОК

Заранее оговорюсь, что это не рецензия, а прежде всего просто отклик, внезапно родившийся при виде явно необычного издания...

Уже внешним видом своим эта новая книга Владимира Солоухина «Венок сонетов» сразу же привлекает, заставляя нетерпеливо предвкушать радость свидания с прекрасным.

Вместо переплета — вкруговую закрывающаяся папочка, изящно декорированная виньетками по обоим сторонам. На лицевой — стилизованная буква «В» названия, будто сотканная из колосков и обычных лесных и полевых цветов. Книга не сброшюрована. Каждому сонету отдана своя четырехстраничная тетрадка. 15 сонетов — 15 тетрадок. Поэзии в них просторно, вольготно и, если угодно, празднично. Тетрадка открывается своеобразным титулом. Затем иллюстрация — черно-белая гравюра и вновь виньетки. Сонет размещен на отдельной полосе.

Гравюры — многокомпозиционные, нередко на несколько планов и кажутся даже орнаментом. Но тем не менее легки, грациозны. Здесь и портреты, и пейзажи, и причудливые аллегории, несущие образность примет и далеких и нынешних времен.

Владимир Солоухин. Венок сонетов. М., «Молодая гвардия», 1977.

Мастерски продуман весь макет сборника. Мы знаем примеры, когда чрезмерно изощренные усилия создателей книги попросту мешают чтению. Тут все иначе. Изыск тактично подчинился главному в полиграфическом искусстве — помочь чтению и обогатить восприятие поэзии.

Венок сонетов Вл. Солоухина хочется читать и одному, бережно перебирая тетрадки, и с друзьями, обмениваясь листами, слушая декламацию попеременно и из разных уст... Так, вспомним, читают ноты артисты хоров, благоговейно держа двумя руками распахнутые страницы.

Да, искусна работа талантливого художника Сергея Харламова, художественного и технического редакторов А. Романовой и Н. Михайловской, всех издателей и полиграфистов «Молодой гвардии», кто создавал эту прекрасную книгу.

...По всей вероятности, это произведение Вл. Солоухина не нуждается в каком-либо рецензировании, анализе. Оно и без того хорошо известно. О нем немало уже писали. Нынешнее издание «Венка» — третье, и это не считая публикаций в прессе.

Но не могу не напомнить, что сонет — вершинная форма поэтического профессионализма. Почему именно напомнить? Это желание возникло как итог визита в одну районную московскую библиотеку.

Спросил у ее работника, велик ли интерес к поэзии. Ответ привычно утвердителен. Задал вопрос о сонетах. Мне с сожалением поясняют, что многие просто не знают эту форму стихосложения, считают книги сонетов архаикой, берут нечасто... Подозвали трех молодых читателей. Студенты-химики. Жаль, но свидетельство библиотек подтвердилось...

Сложны законы сонета. 14 строк должны быть объединены в нем по давним, еще с Петрарки, а то, вероятно, и более ранним, незыблемым канонам. В первой части — два четверостишия, во второй — два трехстишия. Сонет строг и своим стихотворным размером, логикой композиции требует особо выверенной рифмы. Никаких вольностей!

Большой поэтической культурой и отточенным мастерством должен обладать поэт, создающий еще более сложное по форме стихотворное произведение — «венки сонетов», неизбежно состоящее из пятнадцати сонетов, каждый из которых начинается с последней строки предыдущего. Заканчивается «венки сонетов» магистралом, составленным из первых строк всех предшествующих сонетов.

Вл. Солоухин один из немногих, кто рискнул написать «венки сонетов» в наши дни и успешно попытался обогатить его многовековую традицию современным мироощущением.

Я показал тем самым ребятам эту книгу и прочитал две строфы из сонета «Себя другим в угоду не иначе»:

...Ты никуда не денешься,
хоть плачь,
От прямиков, окольных,
кружений,
От дерзновенных взлетов
и крушений,
От всех своих побед и неудач.

...Рюкзак годов все крепче
режет плечи,
Но если вышел времени
навстречу,
Души от ветра времени
не прячь!

Финал разговора — не буду
никого интриговать — был
предопределен в пользу сонета. В трех читательских формулах появилась соответствующая запись.

Вал. ОСИПОВ

Синева

Цырен-Дулма
ДОНДОКОВА

...

Неба синь над головой,
Рядом плещется Исинга.
Что поделать мне с собой?
Я в плену у этой сини.

Я в плену у синих слов —
Сердце жгут они, как пламя.
Синева моих стихов
Распахну перед друзьями.

Здесь, на ферме Золотой,
Что ни девушка — Исида.
Чай в пиалах, как живой,
Машет паром синим-синим.

Пьют коровы синий свет —
Руки женщин, словно ласка.

Здравствуй, тетя Сэрыжет!
Здравствуй, Таня-синеглазка!

Вьется ваших слов узор
Широко, неторопливо.
Задумчивый разговор
Синим кажется мотивом.

Вот молочная река —
Будней славное творенье.
Да, работа нелегка.
Здесь нельзя без вдохновенья.

Пусть же будет жизнь полна,
Словно озеро Исинга,
Словно вечная весна,
Что в глазах бушует синью.

**ЧТО ТАКОЕ
СЧАСТЬЕ?**

Я вопрос коварный этот
Задавала часто,
Потому что знать хотела:
Что такое счастье?

Говорили мои предки
Сдержанно и строго:
«Что такое счастье?..
Это — вечная дорога.

Это шум степей ковыльный
И табунный топот.
Это в душах непокорных
Неумолчный ропот.

Счастье!.. Кто его поймает,
Кто догнать сумеет,
Коль оно подобно птице
Или суховету?

Как ребенка, ты на руки
Счастье не посадишь
И, как юрту на просторе,
Счастье не приладишь».

С той поры годов немало
Поросло травой.
Наше время подказало
Мне совсем иное:

Разве счастье — степь сухая,
Выжженная солнцем?
Иль табун, что в неизвестность
Без конца несется?

Догонять не нужно счастье
И ловить арканом.
Счастье лишь трудом добудешь,
Честным, неустанным.

И тогда в свой дом навечно
Ты его привадишь.
За семейный стол радушно
Ты его посадишь.

Перевела с бурятского
Валентина НАУМЕНКО.

Галина
КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. ГОСТЕВА

Автобусы один за другим подкатывали к подъезду. Я всматривалась в лица всех женщин в красном. Может быть, та, с норковым воротником? Нет, не она, прошла мимо, не взглянув в мою сторону. И вдруг из автобуса не вышла, а легко выпорхнула стройная женщина с охапкой алых гвоздик. С открытой головой, в красивом пальто, в лаковых туфлях. Высоким ли лбом, прической, светлыми ли глазами северянки она мне напоминала кого-то, но кого именно, я в тот момент решить не успела. Присмотревшись секунду-другую и улыбаясь одними глазами, она уверенно пошла мне навстречу.

— Книжки не интересуются? — И увлекла к киоску. А потом наверху, у себя в номере гостиницы, поровну разделила гвоздики. — Возьмите себе! Куда мне так много? Да вы раздвайтесь! Пальто вот сюда. — Открыла шкаф, сверкнувший чем-то пронзительно белым.

— Это тот самый костюм? — Тот. Как сказали мне, чтоб приготовилась к выступлению, так я его и решила надеть. Больно уж хорошо мне белое.

— А ведь так все и вышло! — Я развернула свежий номер газеты с фотографиями, обошедшими всю прессу. Вот она, Валентина Плетнева, сидит в первом ряду президиума рядом с секретарем ВЦСПС Александрой Бирюковой и знатным строителем Николаем Злфбиным. На другом снимке запечатлен самый торжественный момент: Леонид Ильич Брежнев прикрепляет к знамени ВЦСПС орден Октябрьской Революции, держит знамя председатель ВЦСПС А. И. Шибанов, а рядом с ним стоит она, костромская ткачиха, хлопает в ладоши.

— Ой, не говорите! А потом я еще выступала в тот день. Николай, — это она про Злобина, — и Постников, знаете, сталевар с «Электростали», и ивановские, да и все наши поздравляли меня. Такая я счастливая! — Вся она будто расцвела, охваченная юношеской порывистостью.

Договорить, однако, нам ни в тот вечер, ни в последующие не пришлось. Но решили, что я обязательно приеду в Кострому.

— Если я припоздаю, ждите. И

КОСТРОМ

еще давайте по-простому: Валя — и все, — попросила она.

И меня в который раз за этот вечер порадовала ее искренняя непосредственность и доверительность. Конечно, я не заставила приглашать себя дважды.

...Ее слава. Если измерять наградами, то она пришла к Плетневой в шестидесятом году с золотой звездой Героя Социалистического Труда. В ее жизни тогда настал момент, когда, казалось, можно задержаться, чуть-чуть приостановиться, передохнуть. Было на то у нее моральное право: родился Витя, второе, как она его называет, чадо, первому сыну шел тогда восьмой год. Помогать Вале было некому: она росла сиротой. Мать умерла, когда девочке было всего пять лет. Отца лишилась в десять — погиб в боях за Москву. Но именно с того, шестидесятого года жизнь Валентины пошла еще более крутыми ступенями вверх, все выше и выше. Ступенями пятилеток. Костромичи избрали свою землячку депутатом Верховного Совета Российской Федерации, и теперь она депутат третьего созыва подряд. В девятой пятилетке ей присудили Государственную премию. В десятую она уже успела получить приз в соревновании за победу с лучшими ткачихами страны. Но, пожалуй, для раскрытия характера героини нелишне узнать, как это случилось. И тут мне придется рассказать о другой, не менее знатной ткачихе, Герое Социалистического Труда, лауреате Государственной премии Алевтине Смирновой. «Огонек» писал о ней в прошлом году. Дело в том, что обе эти достойные, известные женщины — давние подруги и... соперницы.

Подружил их лен, тонконогое растение с голубым нежным цветком. Обе ткачихи — мастерицы высшего класса по изготовлению льняных тканей. И живут, можно сказать, рядышком. Ивановский Приволжск, где находится Яковлевский комбинат, на котором работает Смирнова, расположен километрах в пятидесяти от Костромы. И в гостях у Плетневой Смирнова была и опытом делалась. Одна другую подбадривает и по-здравляет с успехами.

В 1971 году Смирнова выступала на XXIV съезде КПСС. Плетнева тоже была делегатом и слушала ее с большим вниманием. Хорошо говорила Алевтина о своем льняном городке, о товарищах по работе. У них на расширенную рабочую зону обслуживания перешло уже 510 ткачих. На повышенном уплотнении работает много ткачих и в Костроме, особенно на льнокомбинате имени В. И. Ленина, — он ведь соревнуется с Яковлевским. Она, Валентина, тоже перешла на восемь станков. Ну, а наковы личные обязательства Смирновой? Снахмет она о них или нет? Сказала: «Думаю управиться с пятилетним планом за четыре года». «У меня тоже получится», — прикинула Валентина.

Однако вскоре замыслы наших соперниц опрокинула не ткачиха, а прядильщица. Да как! Всколыхнула, можно сказать, не только текстильную — всю легкую индустрию! Фурмановская прядильщица Елена Амосова дала слово Генеральному секретарю ЦК КПСС выполнить за девятую пятилетку два пятилетних плана. Леонид Ильич Брежнев тепло напутствовал ее на трудовой подвиг. И что тогда началось! Какие закипели страсти! «Две в одну!» — подхватила почин Алевтина Смирнова. «И я не отстану! Ни за что!» — с задором бросила подругам Валентина Плетнева. Будто в небе столкнулись, высекая молнии, высокие мучевые облака, и эхо покатило по всей стране. Москвичка Валентина Бобкова, киевлянка Тамара Быченко, Елена Марквичене из Каунаса, Зоя Сафонова из Красноярска, Римма Гаврилова из Вязников... Имена, имена... десятки, сотни, тысячи ткачих, прядильщиц, швей, трикотажниц, обувщиц изыскивали резервы, переходили на новые позиции.

В декабре 1975 года Иваново торжественно отмечало семидесятилетие первого в России Совета рабочих депутатов и хлебом-солью встречало именитых гостей. Газета «Рабочий край» в те дни вышла под красным аншлагом: «Родина первого Совета приветствует героев пятилетки! Сегодня здесь открывается Всесоюзный слет передовиков производства, выполнивших по два личных пятилетних задания»...

Валентина, Алевтина, Елена, Зоя, Тамара, Римма вместе ходили на Красную Талку и хором пели песни, потому что, как сказал поэт, «без поющей души нет ни пряжи, ни ситца, ни хорошей рубашки, ни льна-полотенца... Ничего нет на свете без щедрого сердца»...

А потом они сидели рядом во Дворце культуры текстильщиков и думали, толковали о близком, о будущем. Настоящему уже подведена черта — кончается девятая пятилетка. А вот каким будет завтра — новая пятилетка, десятая?

— Я беру на пять лет десять годовых норм. Пospорим, Валя?

— Давай, давай поспорим! Согласна! — приняла вызов Смирновой Плетнева.

Разве она отступит? Никогда!

Очень скоро дуэт северянок присоединился к могучей капелле. В преддверии XXV съезда КПСС четырнадцать знатных ткачих страны — специалисток по льну, хлопку и шелку — подписали договор о социалистическом соревновании. У Плетневой стало вместо одной четыре прямые соперницы: кроме Алевтины Смирновой, Римма Гаврилова из Вязников, Вера Коломиец из Житомира и Ольга Федуквич из Орши. Недавно первый раз были подведены итоги, и выяснилось, что лучшие результаты за 1976 год, первый год десятой пятилетки, у Плетневой. Словом, приз из уральских самоцветов, учрежденный газетой «Труд», — в Костроме.

Победа придала Валентине новые силы и уверенность, и уже 21 февраля нынешнего года она смогла рапортовать о выполнении трех годовых планов, объявила о своем решении выполнить к 1980 году еще десять годовых личных заданий. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сердечно поздравил Валентину Николаевну и охарактеризовал ее успех как яркий пример творческого отношения к труду.

х х х

Валентина Николаевна приехала домой к вечеру. Усталая, но все еще в приподнятом, праздничном настроении. Пока Витя-девятнадцатилетний выкладывал из чемодана книги («Фантастику купила?»), мать, обложившись, в ситцевый халатик, бросилась к телефону.

— Фаина Борисовна? Здравствуйте! Как выступила? Все, все расскажу во вторник. Нет, завтра я работаю, а во вторник — выходной.

— Но ведь завтра воскре-

сенье! — заметила я, когда Валя положила трубку.

— А мне метры надо давать. Все учтено до самого ноября. Дело в том, что теперь мне придется выезжать на пленумы ВЦСПС. Получится у меня непредусмотренный, так сказать, простой. Надо его заранее отработать.

— Чай готов! — Витя расставил чашки, достал варенье. Валентина Николаевна, пока остывает чай, быстро, по привычке, — так она, вероятно, делает всегда перед уходом на смену — просматривает местные газеты. Сосредоточилась, прикусила нижнюю губу и снова стала похожей на кого-то. Потом, когда мы, уютно устроившись на диване в гостиной, перебирали ворох фотографий и мне на глаза попался один прекрасно сделанный портрет хозяйки дома, я поняла на кого: на Валентину Николаевну-Терешкову. Да, что-то есть общее в их облике. Кстати, и портрет Терешковой в скафандре тоже был здесь, с дарственной надписью тезке и самыми лучшими пожеланиями ей.

Когда я сказала о своем наблюдении Вале, она улыбнулась: «Иногда нас даже путают. На одной встрече меня называли ее именем-отчеством». Впрочем, задумалась я, тут не только внешнее сходство. Обе волжанки, обе одинаково начинали в юности. До того, как стать летчиком-космонавтом, Терешкова какое-то время работала на комбинате технических тканей в Ярославле и училась в техникуме легкой промышленности. Только одна Валентина устремилась в небо, а другая нашла свой, не менее почетный, тоже звездный путь на земле.

— Это вы где, не в Японии? — обратила я внимание на цветную фотографию с иероглифами.

— Была. Насмотрелась. Тяжело там работнице. Бесправие. Поступая на завод, девушка дает расписку, что, если выйдет замуж или заведет ребенка, будет уволена. На электротехнических предприятиях только до тридцати пяти лет держат. Потом иди на все четыре стороны... Вот в социалистических странах мне очень понравилось. Были мы в Болгарии. Самоков и наша Кострома — города-побратимы. Другари пригласили нас, а мы, костромичи, взяли в свою компанию Алю Смирнову, Марию Иванникову и Майю Капусту из Риги. Я была руководителем делегации. Мы разделились и разъехались по текстильным городам. Работали на станках рядом с болгарскими ткачихами. Они нас принимали, как сестер. Под конец все члены нашей делегации съехались на Шипке. Поклонились мы памятнику русским и болгарским воинам, цветы возложили. С тех пор нас в Болгарии не забывают.

Валентина встала, подала с письменного стола телеграмму:

— Перед самым отъездом в Москву получила отсюда.

«Дорогая Валентина, с радостью узнали о вашем успехе. Сердечно поздравляем вас, желаем здо-

ИЧКА

ровья, больших успехов в труде, счастья. Городской комитет партии, секретарь Петер Виденов. Совет депутатов трудящихся, председатель Методий Паунов».

Пока я читала текст, она ходила, сбросив тапочки, по ковру, расставляла на полках книги, чуть пританцовывая и играя руками, напевала:

Я на Волге родилась,
С ней сугубо связана.
Чистым русским говорком
Волге я обязана.

Голос у нее приятный, низкий, грудной. Я пожалела, что не видела ее, когда она, как рассказывали, пела эту свою любимую костромскую в гостинице, за ужином:

Говорю, чуть окая.
Такая уж привычка.
Ну и что ж? Я ведь все ж
Ко-стро-мич-ка!

А потом плясала цыганочку. И современные танцы с Валентиной Гагановой. Ивановские делегаты, сидевшие за соседними столиками, повставали со своих мест: «Она у вас не только работать умеет, но и петь и плясать! Солистка!»

Любит Валентина хорошую песню. Магнитофон купила, чтобы записывать. Для слов книжечку отдельную завела. Частушек она знает видимо-невидимо, легко варьирует тексты, и я заподозри-

ла: уж не придумывает ли она их сама?

На другой день Плетнева была уже обычная, будничная. Сына послала в магазин, муж ушел в гараж к «Жигулям», там у них погреб с соленьями. С утра без конца звонил телефон, заглядывали соседки — все хотели видеть ее, узнать московские новости, — но она успела и порядок навести, и постирать кое-что, и обед приготовить. И все получалось у нее легко и ладно, как бы между прочим, будто не это важно для нее и самое главное еще впереди. До начала смены оставалось часа два с лишним, ехать до комбината совсем недолго, но ею уже овладели озабоченность и нетерпение. Она то цветы поливала, то представляла зачем-то стулья. Чувствовалось, что без меня она давно бы убежала. Помучившись так еще с полчаса, Валя вскочила:

— Куда это запропастилась моя шапка?

Не успела я и опомниться, как мы уже спускались с ней по лестнице — лифта не дождалась. Чтоб срезать угол, она шла не по улице, а какими-то проходными дворами, и я еле поспевала за ней. «Четверка» на остановке будто поджидала нас. Троллейбус пришел полупустой — воскресенье, полдень, но Плетневу отгородили от меня какие-то женщины: «Валя? Приехала? Ну, как там?» От-

вета я не слышала. Ответ прочла — он плыл кумачовыми буквами на лозунге вдоль улицы и был посвящен почину Плетневой. На проспекте Текстильщиков снова с ней встреча: Валентина собственной персоной открывает галерею передовиков. И в цехе на стене ее портрет: «Здесь работает мастер золотые руки Герой Социалистического Труда...» А под портретом ее обязательства на 77-й год и технико-нормативные расчеты. Словом, каждый шаг, вся жизнь ее на виду!

Цех дышал парным теплом, оглушительно грохотал десятками автоматов. Между станками двигались женщины, и я не сразу отыскала среди них Валентину. На ней синий халат, открывающий руки до плеч, пестрая косынка, синие босоножки. Стояла, разговаривала с круглолицей, с деревенским румянцем во всю щеку девушкой. Это о ней, вероятно, Плетнева говорила с трибуны Кремлевского Дворца съездов: «Моя сменщица Светлана Любимцева старается не отставать от меня и тоже работает на одиннадцати станках». Подошел, еще издали приветствуя Плетневу, Анатолий Леонов с инструментальным ящиком в руках. Валентина Николаевна о нем потом говорила с симпатией: «Молодой у нас помощник мастера, но дело знает, автоматы содержит в хорошем состоянии, и человек он отзывчивый, всегда поможет». Вдвоем они по-хозяйски осмотрели все станки, потом Плетнева на каждом полотне прочертила свой табельно-расчетный номер и число, день. Смена началась...

Присмотревшись к полотну, которое наматывалось на барабан, я, признаюсь, была разочарована: темное, грубое, самое что ни на есть простое, так называемая бортовка. А я-то ожидала увидеть яркие, тонкие льны... Кто же, казалось, с большим искусством, чем она, способен творить такую красоту?

Мою неосведомленность рассеяла мастер Елена Матвеева. Кстати, очень молодой мастер, только что окончила институт. Участок у нее сплошь молодежный, за исключением, конечно, Валентины Николаевны, наставницы юных.

— Бортровка — самое трудоемкое полотно, — разъясняла Елена. — Посмотрите, из каких неровных, шершавых, слабых нитей она делается. Из отходов льна! Такая нить очень часто рвется. Чтобы снизить обрывность, повышают влажность и температуру воздуха. Работать в таких условиях нелегко. Ткачихи не любят бортровку, бегут от нее, предпочитают ей платяные ткани с лавсаном. Но ведь бортровка очень нужна! И в больших количествах! Она придает одежде упругость и несминаемость. Ни один портной не сошьет без нее приличного костюма. Не подумайте, однако, что Плетнева тклет одну бортровку. Ассортимент меняется. С таким же успехом, без брака — у нее свое личное клеймо — Валентина Николаевна тклет платяные ткани с лавсаном и тонкое полотно.

Оставалось выяснить еще один вопрос, наиглавнейший и первостепеннейший. Каким образом можно выполнить две пятилетки или тринадцать годовых заданий — как обязалась, перенесмотрев свои возможности, Плетнева — за пять лет?

Что, в сущности, значит: две пятилетки в одну? А вот что: спрессовать два дня в один. Шестнадцать рабочих часов в восемь, два задания в одно. Шахтеры, сталевары, горняки спрессовывают в один не только два, а иногда и три, четыре дня. Но это уже не рядовая работа, а рекорд, которому предшествует большая инженерно-организационная подготовка. Рекорд, как правило, еще очень долго остается рекордом — явлением исключительным, хотя и

вскрывает новые возможности, прочерчивает тот рубеж, к которому нужно стремиться.

Как же ткачихи и прядильщицы умудряются работать на рекордном, по существу, уровне все время? Не несколько раз в год, а каждый будничный день? За счет чего? Как тут с нормами, не занижены ли?

Когда почти тридцать лет назад Валя Плетнева пришла из школы ФЗУ на льнокомбинат имени Ленина, то работала всего на двух ткацких станках. Тогда это была норма. Время и сноровка сделали свое, в пальцах, что называется, появилась техника, у нее уже были свои приемы, и она постепенно переходила к четырем, шести, восьми станкам. И нормы тоже пересматривались. К концу девятой пятилетки среднетиловая норма по отрасли была 5,2 станка. Это вовсе не мало, особенно для начинающей работницы, и требует старания. Плетнева обслуживала девять-десять станков, но как обслуживала! Все операции выполняла, как и сейчас, сама. У нее не было, как у других ткачих, помощниц-зарядчиц; отрывщица в корпусе одна на 140 станков. Все зависело от нее, Валентины, от ее таланта. Иных женщин высокий темп работы отпугивает, они его не выдерживают, даже меняют профессию, а Плетневой он в самый раз. Ей нравится работать именно в таком энергичном темпе, это у нее от природы, ее главный козырь. С этого года в ее зоне уже одиннадцать автоматов, а иногда, в хорошем настроении, «прихватывает», по ее собственному выражению, и двенадцатый. Вот так и получаются два и даже больше рабочих дня в одном. 650 метров полотна вместо 300 по норме за смену. Было чему поучиться ткачихам — участницам школы Плетневой, которая проходила недавно в Костроме.

Сегодня у Валентины Николаевны как раз хорошее настроение. Собранная и вместе с тем удивительно спокойная, с печатью какой-то отрешенности на лице — в эти святые рабочие часы для нее ничего больше на всем свете не существует, — она плавно переходила от станка к станку. На одном заряжала батарею, с другого снимала товар, на третьем заправляла нить основы, и ее пальцы с молниеносной быстротой мелькали среди льняных струн. Потом шла к третьему, четвертому, которые, остановившись, молчали. Они, эти горластые, прожорливые автоматы, были как беспомощные птенцы с раскрытыми клювами и ждали ее нежных и сильных рук. И она порхала среди них, и не было ей ни минуты покоя.

Валентина Николаевна вытерла уголком косынки потное лицо, прислушалась: «Ну, где еще неполадок?»

Про нее говорят: «Так, как она, мало кто работает», «У нее необыкновенные, быстрые руки»...

Это все, конечно, прекрасно. Но еще — а может, прежде всего — надо иметь мужественное сердце, чтоб работать так изо дня в день, из года в год. Мужественное и к тому же доброе сердце, потому что все, что она творит, творит «не для себя — для народа». Так пишут ей, выражая свое восхищение в записках, направляемых прямо в президиумы съездов, совершенно незнакомые люди.

**В. ВИКТОРОВ,
О. СПАССКИЙ,**

**фото А. БОЧИННА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Н

а витринах, на ветровых стеклах автомашин, на тяжелых кофрах фоторепортеров — наклейка: черный крюк клюшки, расцвеченный красно-бело-красными полосами — цветами австрийского флага. А рядом, чуть ниже, — шайба. На ней две белые семерки. Такова эмблема венского чемпионата мира по хоккею. Вот уже промелькнула для нас первая его неделя, а нам все еще кажется, что чемпионат начался только вчера... А когда в самом деле начался венский чемпионат? Такой вопрос мы задали капитану сборной СССР Борису Михайлову. И вот что он нам ответил:

— Чемпионат для нас начался не двадцать первого апреля... Может быть, в тот день, когда хоккеисты сборной СССР съехались на первую тренировку, чтобы подготовиться к матчам за океаном на Кубок Канады. Та команда носила экспериментальный характер. В ее составе не было нашего звена, не было звена «Спартак», не выступал защитник Геннадий Цыганков. И только спустя три месяца сборная на турнире газеты «Известия» заиграла почти в своем нынешнем составе. Я говорю «почти», потому что и на известинском турнире мы не увидели спартаковцев. Но где бы мы ни играли, снова за океаном, участвуя в новогодней серии с профессиональными клубами ВХА, или на чемпионате страны, мы ни на день не забывали о первенстве мира и неустанно готовились к поездке в Вену и можем считать: этот главный турнир начался для нашей команды еще двадцать первого марта в подмосковном поселке, где собрались претенденты на поездку в столицу Австрии.

...Конечно, Михайлов прав. Такое соревнование, как чемпионат мира, для хоккеистов начинается значительно раньше, чем для зрителей. К нему готовятся исподволь и физически и психологически.

Но сколько бы раз ни начинался чемпионат мира, турнир этот не только «час пик» большого хоккея, но и логическое продолжение сезона, и первые встречи в Вене игроки нашей сборной провели точно так же, как выступали

они в матчах февральских или мартовских. Уверенно вела за собой команду тройка Владимира Петрова, совершал лихие набеги на ворота соперников Хельмут Балдерис, четко оборонялись Владимир Лутченко и Василий Первухин. И, увы, поначалу никак не могли поразить цель форварды из второго звена сборной.

В красочной программе, изданной к чемпионату, представлены все восемь команд. Пожалуй, наиболее высоко оцениваются шансы советских хоккеистов. Цветные фотографии Александра Якушева, Владимира Петрова, Бориса Михайлова, Владимира Шадрина дополняют рассказ о команде, где, в частности, говорится: «Если бы кто-либо пожелал узнать с помощью компьютера, кто станет победителем венского турнира, то он, несомненно, получил бы ответ: Советский Союз. СССР располагает лучшей командой, хладнокровными и наиболее опытными игроками, с наилучшей системой тренировок. Харламов — Петров — Михайлов составляют единое звено уже в течение восьми сезонов. За это время трио забило 202 гола. Так какой же иной ответ, кроме само собой напрашивающегося, может дать компьютер?»

Оправдывая самые лестные оценки, выданные им накануне чемпионата, Петров и его великолепные партнеры уже в первых трех матчах к прежним 202 голам добавили еще двенадцать. И именно благодаря прекрасной игре лидеров сборной можно утверждать, что наша команда начала турнир много лучше, чем год или два назад. Не все еще пока идет, как хотелось бы, но все-таки мы надеемся, что вот-вот обретут наилучшую спортивную форму такие большие мастера, как Александр Якушев и Владимир Шадрин: матч с командой Канады, в котором Якушев забросил четыре шайбы (причем три с подачи Александра Мальцева), укрепляет эти надежды.

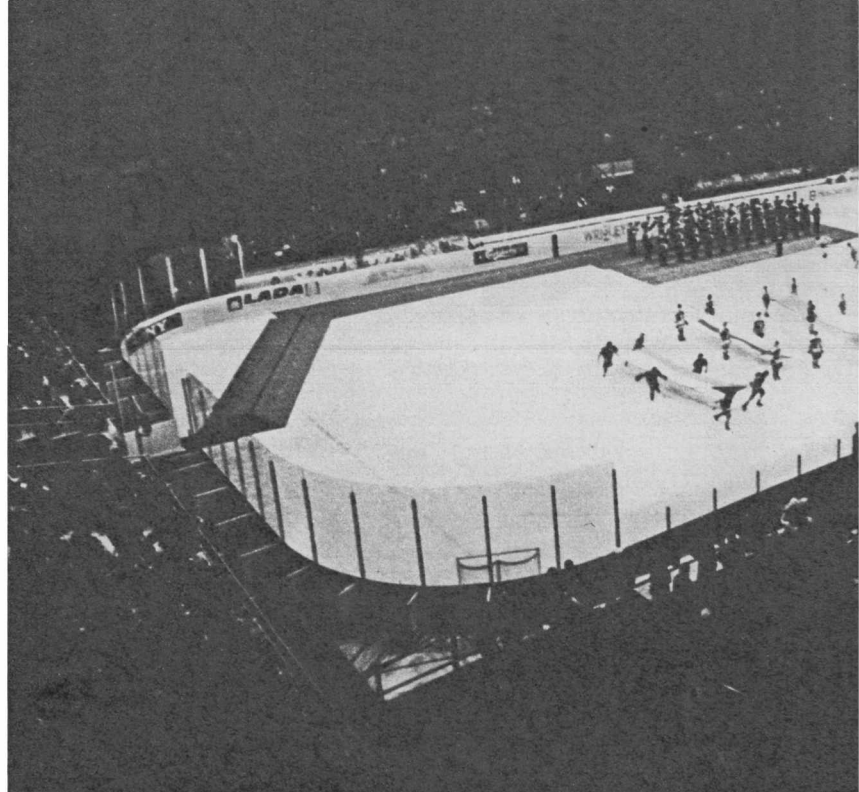
Игра хоккеистов из-за океана вызывает здесь особенно много разговоров. И есть тому очевидное объяснение — канадцев все-таки не хватало на чемпионатах мира, канадцев ждали, любители игры верили, что с их возвращением турниры станут еще интереснее.

Оправдались ли эти надежды?

После первых трех матчей посланцев страны кленового листа наш многоопытный коллега, вместе с которым мы работали еще на венском чемпионате десятилетней давности, подойдя к нам в пресс-центре, воскликнул с недоумением:

— Послушайте, ведь эти же профессионалы ничуть не сильнее, чем любители, игравшие здесь в шестьдесят седьмом году в команде патера Бауэра!

Прямо скажем, неожиданное сопоставление! Любители, только мечтающие попасть в профессиональные клубы, с одной стороны, и знаменитые мастера НХЛ во главе с братьями Эспозито и Джильбертом — с другой. И тем не менее...

Открытие чемпионата в «Штадтхалле».

Даже во время краткого отдыха все они душою там, с товарищами, ведущими ледовое сражение... На первом плане — В. Харламов и В. Жлуктов.

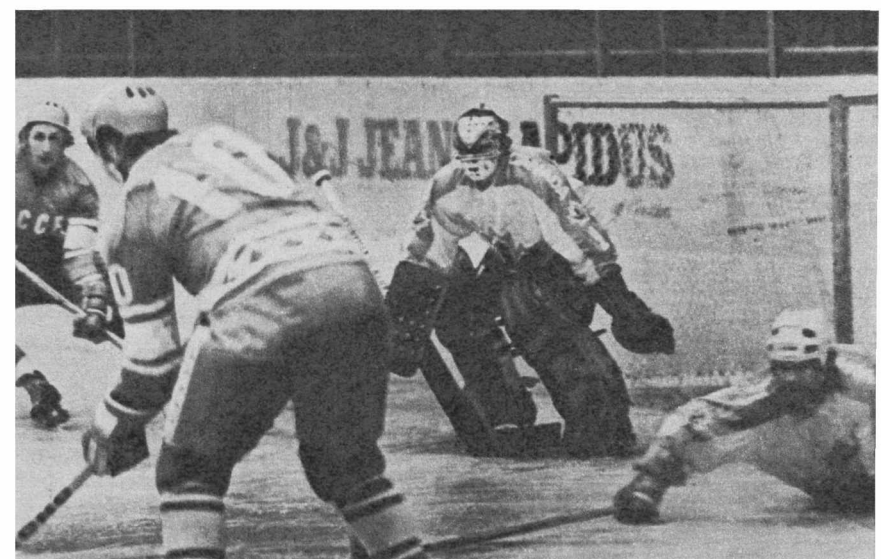
С Л О В О —

Капитаны команд Б. Михайлов и Ф. Эспозито.

Острый момент у ворот канадской сборной.

На старте канадцы и вправду озадачили. Со скрипом выиграли у соседей, команды США, а на следующий день проиграли сборной Швеции. В упоминавшейся уже программе устроители турнира сравнили хоккеистов «Тре Крунур» с вином: они, мол, чем старше, тем лучше. Но в Вену приехали молодые хоккеисты, и все-таки победа досталась им.

На матче «Тре Крунур» с канадцами были почти все наши хоккеисты, и во втором перерыве мы подошли к одному из тренеров сборной СССР, Владимиру Владимировичу Юрзинову.

— Я видел эту канадскую команду, да, да, эту самую команду и в другой спортивной форме, в другом состоянии. Всего полторы недели назад, когда гости из-за океана играли с хоккеистами Чехословакии. Там была подвижная, энергичная, резкая, часто излишне резкая команда, но ничем не напоминающая сегодняшних канадцев. Почему вдруг они остановились, почему кажутся такими вялыми — судить не берусь. Думаю, однако, что послезавтра в игре с нашей сборной они могут сыграть значительно интересней.

Но вот и матч Канады и СССР позади. И теперь мы уже знаем, что канадцев, вопреки ожиданиям, хватило всего лишь на пять — семь минут. Фил Эспозито удивил в этом матче, как, впрочем, и в предыдущем, только... шлемом, который он после длительных дискуссий судейской коллегии все же согласился надеть.

Наш сосед по ложе прессы, в голубой джинсовой куртке с ярким красным кленовым листком на воротнике, сначала лихорадочно вел записи, но после шестой шайбы, влетевшей в ворота канадцев, отбросил ручку и лишь сокрушенно качал головой.

— Что с вашими? — от этого вопроса удержаться было трудно.

Эл Стречен из «Монреаль газетт» развел руками:

— В команде нет таких звезд, как Михайлов и Харламов. Защитники не успевают за вашими форвардами. По сегодняшней игре это самая медленная команда, которую я когда-либо видел.

Наверное, канадский журналист прав. Ему виднее. Но нам хотелось бы добавить, что сборные команды не создаются за неделю. Однако было бы опрометчиво сбрасывать канадских хоккеистов после первых неудач со счета. И хотя шансы их на золотые медали теперь действительно невысоки, коррективы в распределение мест на пьедестале почта они тем не менее внести могут.

У кого же сейчас наилучшие перспективы?

Ответ достаточно очевиден. К тому, что обещают компьютеры, необходимо добавить нынешних чемпионов мира — чехословацких хоккеистов.

Как и следовало ожидать, команда стартовала блестяще, забросив в трех первых матчах 33 шайбы, на одну больше, чем наша сборная. В чем сила чехословацких хоккеистов?

— Я думаю, прежде всего в изменении психологического состояния спортсменов, — отвечает нам главный редактор еженедельника «ТИП» из Братиславы (издания, аналогичного нашему еженедельнику «Футбол — хоккей») Фердинанд Кралович. 36-летний журналист работает уже на одиннадцатом чемпионате по хоккею и, естественно, прекрасно знает возможности своей команды.

— Тренеры Карел Гут и Ян Старши, принявшие сборную накануне чемпионата мира семьдесят четвертого года, сразу же сделали все возможное, чтобы решительно пересмотреть игру команды. И если прежде в матчах с хоккеистами Советского Союза наши мастера чаще всего играли от ворот, стараясь сбить темп, прижать шайбу к борту, то теперь наша команда стала действовать иначе — не на контратаках, а на атаках.

Тренеры объяснили своим игрокам: при прежней игре сборную СССР можно победить, но нельзя побеждать часто. Только изменив тактическую установку, можно добиться стабильного успеха. И вот на прошлом чемпионате мира в Катовице наша команда один матч у олимпийских чемпионов, команды СССР, выиграла, а в другом сделала ничью. Спортсмены Чехословакии заняли первое место и стали чемпионами мира. Одолели наши ребята ваших хоккеистов и на Кубке Канады. Теперь мы играем с главным своим соперником на равных...

Заканчивая разговор с нами, коллега из Братиславы предупредил, что после трех игр с относительно слабыми соперниками ему все же трудно судить о подлинной силе своей команды.

— Во вторник, — сказал он, — мы должны играть с канадцами, а в четверг...

Да, в четверг, 28 апреля, многое прояснится после матча двух фаворитов турнира — команд СССР и Чехословакии.

Хоккеисты этих сборных задают тон на турнире.

Нам приятно сообщить читателям, что автор «Огонька» Валерий Харламов, чьи записки недавно публиковались на страницах журнала, после первых трех матчей забил наибольшее количество голов — шесть. В виде премии мы вручили Харламову авторские экземпляры его книжки «Хоккей — моя стихия», вышедшей в «Библиотеке «Огонька» накануне нашего отъезда в Вену. Об этой книге известно на чемпионате. С ней хотя бы познакомиться многие наши коллеги. А в братиславской «Смене» уже появилась на нее рецензия. Рассказ Харламова о хоккее продолжается здесь, в Вене, на глазах его читателей.

У хоккея — «час пик». Хоккеем сейчас живут во многих странах, не только в тех восьми, которые представлены в Вене, в «Штадт-халле».

Бесчисленные прогнозы, дискуссии, комментарии. Но решающее слово принадлежит шайбе.

Вена, 25 апреля. По телефону.

ШАЙБЕ

Природы пробуждение

Шагающая верба

К этой вербе, что с незапамятных времен росла на берегу речушки Ильинки, я приходил много раз. Особенно любил навещать ее весной, когда оголенные ветви ее в одну ночь покрывались мохнатыми, как рыжие шмели, почками. Вот и сегодня я около нее. Меня уже давно тянуло сюда. Не терпелось узнать, как она перенесла последний буря, который надломил ее у корня и повалил на землю.

Тогда, на другой день после бурана, я встретил около вербы двух сельских парней с пилой и топорами. «Пустим на дрова старую, — сказали они, — чего ей мучиться».

Я объяснил им, что торопиться не следует: ствол прочный, и даже надломленная верба может выжить. Она ведь стойкая. Я попросил парней помочь мне. Они согласились. Мы замазали глиной свежие раны, отпилили сучья, а те из них, которыми она упиралась в землю, подровняли и окопали. Вот если сучья вербы, сказал я тогда, укрепятся в земле, пустят корни — все будет в порядке.

С той поры я с нетерпением ждал весны, но когда она пришла, то не торопился навещать вербу: боялся, вдруг надломленный ствол не запушится шмелями-почками. Грустно будет тогда.

Наконец, не выдержал и пришел на берег. И какая радость! Все ветви вербы были покрыты мелкими зелеными листочками. Я ходил вокруг, наслаждаясь терпким запахом свежей зелени. Я трогал руками глубоко вошедшие в землю сучья, которые служили теперь надломленному стволу живыми ногами-подпорками. Приятная прохлада зеленой коры вызвала волнение.

Прошлой осенью, накануне памятного бурана, с грустью следя за падающими желтыми продолговатыми листьями, я подумал: «Как трудно, как тяжело вербе весь век стоять на одном месте». И, видно, напророчил. Верба «шагала» теперь по берегу быстротечной Ильинки.

Солнечные телята

Субботный день близился к концу, когда лесничий вывел меня на свою любимую лесную поляну. Действительно, даже в эту раннюю весеннюю пору она ласкала глаз, вносила в душу ощущение умиротворенности.

Со всех сторон поляну окружали березы, липы, клены, осины... От ветвей деревьев, от набухших и рвущихся уже трескаться почек пахло весной. Рябины плотным кольцом стояли в первом ряду, окаймляя поляну. Лучи ве-

черного солнца высвечивали в их ветвях редкие красные капли ягод. Возле них хлопотали, оглашая тишину леса звонким щебетаньем, синицы, дрозды, свиристели.

— Так я и знал! — вдруг воскликнул лесничий.

— Что случилось? — обратился я к нему.

— Посмотри на рукав моей куртки, — сказал он, указывая на маленькую красную букашку с черными точками на надкрыльях. — Это бо-

жья коровка, или, как еще ее у нас называют, «солнечный теленок».

Здесь, на этой поляне, пояснил лесничий, он уже не впервые встречается с ними весной, и всегда они вызывают у него детские воспоминания:

— Помните эти милые, бесхитростные слова: «Божья коровка, улети на небо, скажи солнышку: будь теплее...»

Я слушал лесничего и смотрел на коровку, красную спинку которой украшали семь темных крапинок. Еще не успел лесничий произнести последние слова песенки, как божья коровка расправила крылья и легко взлетела ввысь.

— Как ни странно, — продолжал лесничий, — но с детства я верю в примету: если первая коровка, которая весной навещает тебя, не двух-, не пяти-, а семикрапчатая и сразу после этой песенки взлетает, то будет теплое, солнечное лето.

Мороз и подснежник

В широко раскрытых детских глазах были восторг, волнение и удивление. Щеки мальчика, тронутые ласковыми лучами мартовского солнца, пылали. Дрожащими пальцами он дотрагивался до лепестков подснежника, пробившегося сквозь твердую от заморозков землю и окруженного осевшим, но еще упорно сопротивлявшимся солнцу снегом.

— А ему не холодно? — спросил внук Витя дедушку Егора, что стоял рядом с ним и тоже с волнением смотрел на подснежник.

— Холодно, конечно, — ответил дедушка, — но он молодец, решил поспорить с мартовским морозом.

— А мороз его не погубит?

— Думаю, что нет. Хочешь, я расскажу тебе про него сказку-быль?

— Хочу, — согласился внук, — очень хочу!

— Тогда слушай, внимательно слушай.

...Однажды, в конце зимы, задумал Дед Мороз прогуляться, еще раз посмотреть на свои владения. Идет он по полю. Вокруг тишина. Земля, укрытая снегом, спит крепко-крепко. «Хорошо», — думает и идет дальше. Спустился затем к реке и прислушался. Из-под льда доносилось жалобное журчание воды:

— Отпусти меня, Мороз, утомилась я.

— Ишь, чего захотела, не отпущу!

Нахмурил брови и направился к лесу.

Все деревья, большие и малые, стояли под снежными шапками. Посмотрел на них Дед Мороз, погладил свою большую с сосульками бороду и воскликнул: «Славно! Сил у меня еще много». Потом глянул себе под ноги и вздрогнул. На него в упор смело смотрел беленький с синими прожилками глазок, как бы говоря: «А вот и нет!»

— Ах, это ты! — затопал вдруг Дед Мороз. — Да как ты посмел! Я заморожу тебя, уничтожу!

— Ничего ты со мной не сделаешь, слабый ты теперь, сосульками уже стал обростать, — затрепетал лепестками подснежник.

— Ах, вот как! — вскричал старик. — Ну сейчас я тебе покажу!

И стал дуть на пришельца северным ветром. Поднялась метель. Снежинки завертелись, закружились и опустились на землю, прикрыв цветок белым одеялом.

Посмотрел Дед Мороз на свою работу и успокоился: «Вот тебе, не будешь хвастать».

На другой день он, поддерживая руками бороду, которая превратилась уже в одну громадную сосульку, опять пришел на это место и... увидел подснежник. Тот стоял жив и невредим и выглядел еще свежее, чем вчера.

— Ах, упрямец! Ты, оказывается, уцелел?! — возмутился Дед Мороз.

— Ничего у тебя не вышло и не выйдет, — сказал цветок. — Оглянись-ка лучше.

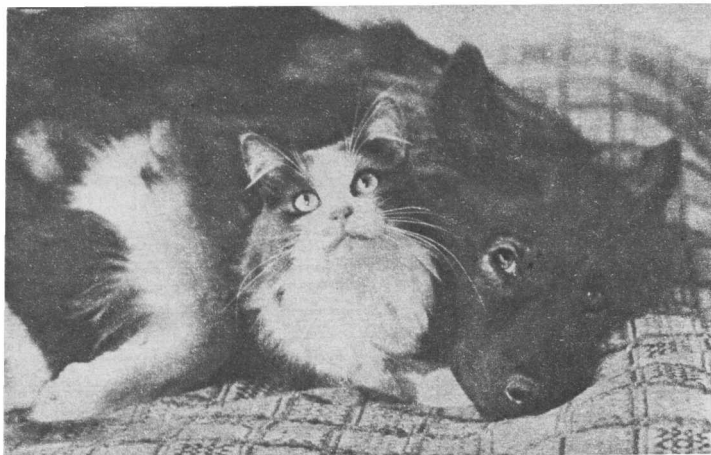
Повернулся старик, посмотрел в южную сторону и задрожал: с юга, освобождая поля и деревья от снега, а реки и озера ото льда, шла Весна-красна.

— Ну что?! — воскликнул подснежник, гордо возвышаясь на своей тонкой ножке. — Что я говорил?

Но ответа не последовало. Дед Мороз исчез, словно его и не было здесь. А на том месте, где он стоял, блеснула лужица, в которой плавал кусочек льда.

...Сказка Вите очень понравилась. Когда дедушка закончил ее, внук присел и вновь осторожно дотронулся до лепестков подснежника. Потом, выловив из лужицы, окружавшей цветок, кусочек льда, спросил: «Это все, что осталось от Мороза?»

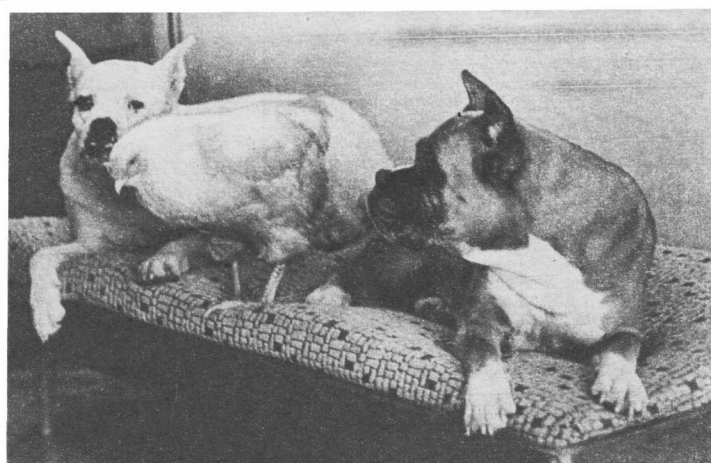
— Да, — с улыбкой ответил дед Егор.

Вопреки поговорке.

Мохнатые и пернатые

Под надежной защитой.

Москвичи любят зверей и птиц.
Я побывал в некоторых квартирах, где держат животных.

А. УСТИНОВ

Летающая сенокосилка

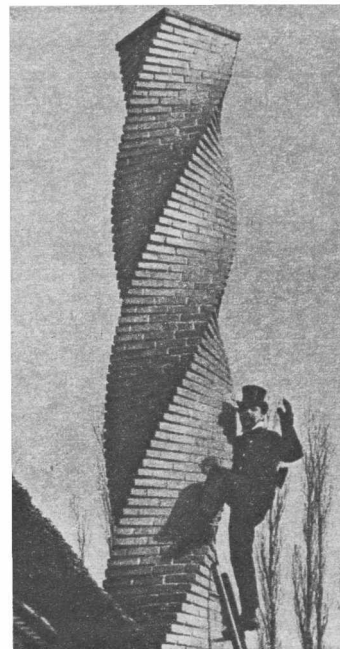
Самый маленький самолет в мире, похожий на воздушного змея с колесами, сконструировал Серджио Вилла из итальянского города Бергамо. Винт этого летательного аппарата приводится в движение мотором сенокосилки.

Самолет легко складывается и прячется в багажнике автомобиля. В полете пилот сидит в маленьком кресле ниже крыла и управляет аэропланом с помощью одного-единственного рычага.

С нами не соскучишься!

Это не детские ясли. Перед вами пятеро близнецов, родившихся в Японии у супругов Ямашита.

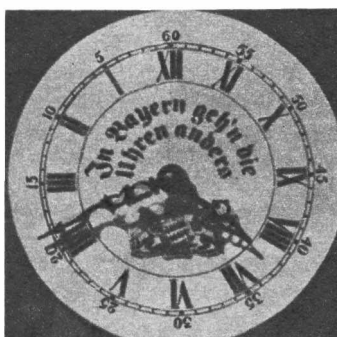

Фантазия трубочиста

Таную печную трубу соорудил на крыше своего дома Бент Минкелсен, трубочист из датского городка Скарниге. Отличает ее от других не только оригинальная форма, но и устройство, выпускающее дым кольцами.

Ради престижа

Жителей Баварии (ФРГ) их соотечественники часто называют самыми противоречивыми гражданами в стране. И баварцы то ли в шутку, то ли всерьез стараются всячески поддержать это мнение. Там, к примеру, продаются часы, идущие в противоположную сторону. Надпись на них гласит: «В Баварии и часы идут по-другому».

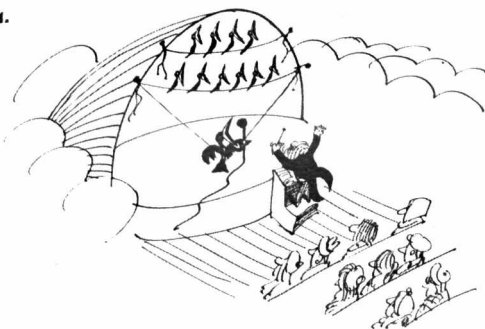

С метлой за невестой

Взглянув на снимок, вы, видимо, подумаете, что мужчина в котелке работает дворником. Вовсе нет! В Бремене существует давняя традиция: холостяки, которым перевалило за тридцать, подметают лестницы исторических зданий, если хотят сообщить окружающим, что они ищут невесту.

Открытие навигации.

Рисунки
В. Воеводина,
И. Сычева,
Ю. Черепанова.

К весеннему сезону.

— Нам достался верхний этаж.

— Поздравляю вас с праздником!

СТРАННЫЕ
ПЯСТЫ

Бригадир А. В. Блочный.

Тында, столица БАМа, Дом культуры «Юность». Второй раз встречаются здесь с бригадой «Огонька» строители, передовики центрального участка магистрали. При первой встрече шла речь об условиях конкурса на лучшую хозрасчетную бригаду, конкурса, объявленного Министерством транспортного строительства СССР, Центральным комитетом профсоюз рабочих железнодорожного транспорта, штабом ЦК ВЛКСМ на БАМе и редакцией журнала «Огонек». И вот сейчас подводятся итоги. 150 бригад оспаривали право получить кубок журнала. Пять вышли победителями. Из них три с центрального участка стройки. Открывая встречу, первый заме-

«ОГОНЕК» НА БАМЕ

ститель начальника Главбамстроя В. Ф. Сакун подчеркнул особое значение конкурса. Гигантская стройка, многотысячный коллектив бамовцев готовятся трудовыми успехами встретить шестидесятую годовщину Октября. Они дали слово к празднику сдать в эксплуатацию Министерству путей сообщения СССР линию Бам — Тында и довести стальной путь до Беркакита — конечного пункта Малого БАМа.

Член редакционной коллегии журнала, редактор отдела литературы и критики Ю. С. Новиков вручил кубок «Огонька» бригадир А. В. Блочному из механизированной колонны № 116 треста «Бамстроймеханизация». Эта бригада первой в мехколонне перешла на метод бригадного подряда. Ей удалось значительно сократить срок строительства. Расчетная стоимость работ снижена на 36 тысяч рублей.

Вымпелы «Огонька» завоевали бригады И. Н. Варшавского из 567-го строительного-монтажного поезда управления «Бамстройпуть» и В. Г. Жука — из мостостроительного № 49 треста «Мостострой-10». Бригада В. Г. Жука на 44 дня сократила срок строительства моста, сэкономив более 37 тысяч рублей.

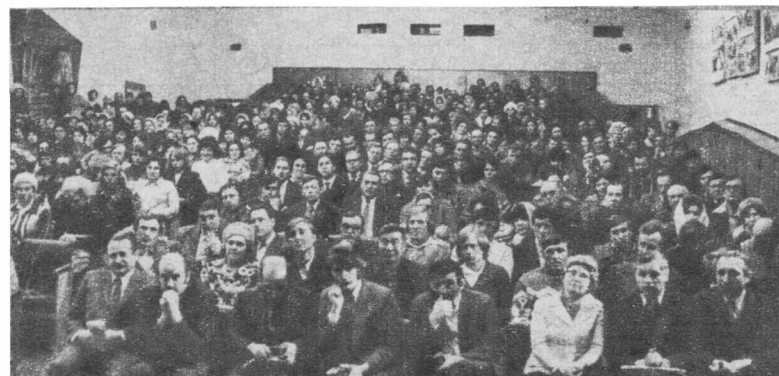
На западном участке лауреатами премий журнала стали бригады А. И. Рябкова и В. А. Ленченко. Огоньковцы тепло поздравили победителей первого этапа конкурса и пригласили строителей из бригад Блочного и Рябкова приехать в Москву, — они будут гостями редакции.

Во встрече со строителями принимали участие поэт В. П. Дронников, композитор Н. Е. Писаренко, а также член редколлегии журнала «Огонек» Д. Н. Бальтерманц и собственный корреспондент журнала по Дальнему Востоку В. А. Кузнецов.

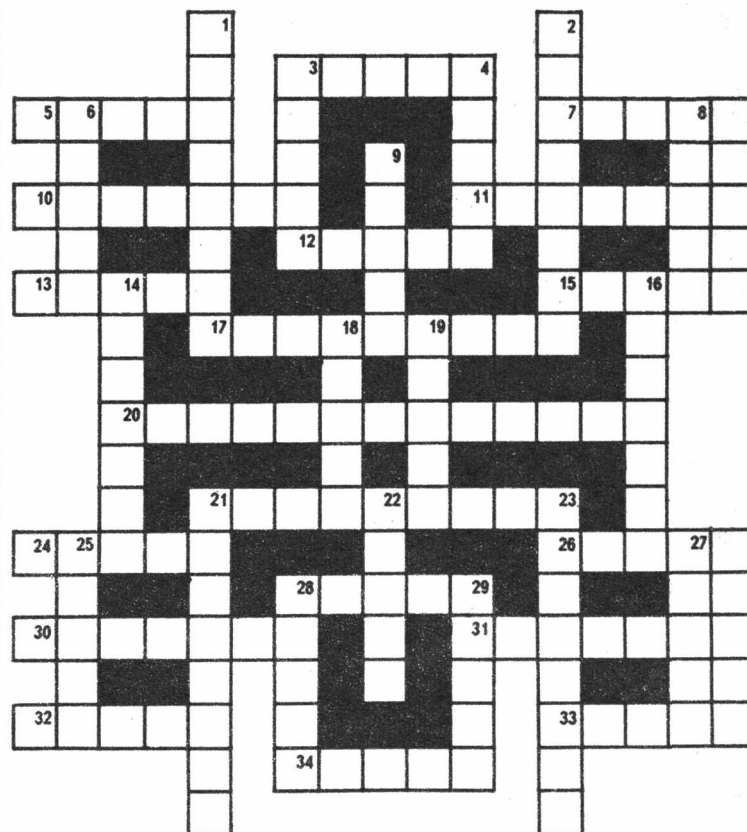
Мостостроители, завоевавшие вымпел «Огонька».

В зале Дома культуры «Юность».

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Время года. 5. Стиль плавания. 7. Кожина хромового дубления. 10. Публичное исполнение музыкального произведения. 11. Народный писатель Белоруссии. 12. Горная система в Африке. 13. Бухта моря Лаптевых. 15. Приз за достижение в спорте. 17. Актриса, выступавшая в московском Малом театре. 20. Сотрудник периодической печати, радио. 21. Свод партий многоголосного музыкального произведения. 24. Силкатный расплав. 26. Киргизский народный эпос. 28. Раздел книги, статьи. 30. Одна из географических координат. 31. Упаковка почтового отправления. 32. Аппаратура для освещения сцены. 33. Рыба семейства карповых. 34. Объявление о спектакле, лекции.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Порт на берегу Средиземного моря. 2. Рассказ А. П. Чехова. 3. Дежурство на кораблях и судах. 4. Точка небесной сферы, по направлению к которой движется солнечная система. 6. Река в Грузии. 8. Областной центр на Украине. 9. Хлебное изделие. 14. Способ переработки нефти. 16. Зимнее двоеборье. 18. Способ типографской печати. 19. Скульптор, автор конных групп на Аничковом мосту в Ленинграде. 21. Вид изобразительного искусства. 22. Озеро в Финляндии. 23. Норвежский полярный путешественник и исследователь. 25. Штат США. 27. Артерия. 28. Птица семейства воронковых. 29. Столица Ганы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Катамаран. 8. Макаренко. 9. Какаду. 11. Октант. 12. Прокат. 13. Мениск. 14. Кролик. 15. Африка. 18. Груша. 19. Лоток. 22. «Макбет». 24. Фарада. 25. Абакан. 28. Кобура. 29. Салака. 30. Афелий. 31. Велосипед. 32. Проректор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Амазонка. 2. Пластика. 3. Парад. 4. Хабанера. 5. Методика. 6. Экран. 10. Универсиада. 12. Простокваша. 16. Фраза. 17. Колье. 20. Глазунов. 21. Стамеска. 22. Максвелл. 23. Таганрог. 26. Гомер. 27. Пилот.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Фотоэтиюд А. Бочина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. Монумент покорителям космоса.

Фото ТАСС.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101436, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-38-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/IV 1977 г. А. 00339. Подп. к печ. 26/IV 1977 г. Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 957. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 395.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

